

- 4 М. Salvini, Bastam, I, текст № 1, лиц. стор., стк. 3, 8; обор. стор., стк. 1.
 5 И. М. Дьяконов, УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 12, 19; текст № 12, обор. стор., стк. 5.
 6 Там же, текст № 7, лиц. стор., стк. 12.
 7 М. Salvini, Bastam, I, текст № 2, лиц. стор., стк. 2.
 8 С ħutuni-pi, как ни странно, сопоставляет свое неправильное чтение ħutuma-gi также издатель нового Бастамского письма М. Сальвини. См. Bastam, I, стр. 121.
 9 Ср. хурр. ašna. KUB, XLVII, 29, лиц. стор., стк. 4.
 10. Читай anaji?
 11 См. Н. В. Арутюнян, НУН, стр. 39, стк. 16.
 12 Там же, стр. 51, текст II, стк. 1.
 13 Там же, стр. 39, текст I, стк. 18, 19.

ГЕРНОТ ВИЛЬГЕЛЬМ

К ХУРРИТСКОЙ И УРАРТСКОЙ ГРАММАТИКЕ*

I. ПЕРЕНОС СУФФИКСОВ И ПОКАЗАТЕЛЬ МНОЖЕСТВЕННОСТИ /na/ В УРАРТСКОМ

В одной из своих основополагающих для исследования урартской грамматики работ¹ И. Фридрих в 1931 г. выделил суффикс принадлежности /ini/², с помощью которого, по его мнению, образуются прилагательные, согласующиеся в падеже/числе. Так, он полагал, что от имени главного урартского бога Халди образуется прилагательное ħaldi-ini-, которое следует переводить примерно «халдиев, принадлежащий Халди»³. Как заметил Фридрих⁴, та же морфема предполагалась уже Гётце⁵ и Сэйсом⁶ в форме (ni). Вопрос о том, является ли это /ini/ тождественным с /ħin!/, образующим отчество⁷ и топонимы⁸, о чем говорится в той же статье,—Фридрих оставлял нерешенным⁹.

Этот суффикс (ini) с тех пор был принят в большинстве изложений урартской грамматики¹⁰. Дьяконов¹¹ отождествляет его с хурритской морфемой (inne) (с другими тематическими гласными /onne/, /anne/)¹², который в хурритском образует главным образом обозначения профессий¹³. По мнению Дьяконова, этот суффикс в урартском очень продуктивен, может адъективизировать любое

* Часть I является переработанной версией статьи „Zur urartäischen Nominalflexion“, ZA 66 (1976), 105—119, часть II—почти неизменным переводом статьи „Der Komitativ des Urartäischen“, SMEA 22 (1980), 133—136, часть III написана специально для «Древнего Востока» и будет одновременно издана в немецком переводе. Автор благодарен И. М. Дьяконову за перевод на русский и за отдельные замечания, сделанные им по ходу работы.

существительное и находится в свободной вариантности с показателем родительного падежа¹⁴.

Из последнего высказывания вытекает, что предложения типа

(1) *haldi-ini susi tini (-ty)¹⁵ „Халдиев храм имя (его)“ и

(2) haldi-i susi tini (-iy), с тем же значением, или же

(3) umešini tini... rusa-ini-i ħubi-i „Умешини—имя...

Русиной долины“ и

(4) *umešini tini... rusa-i ħubi-i, с тем же значением одинаково могут существовать.

Однако это явно не так. Ниже приводится представительная выборка из понятных контекстов, содержащих родительный падеж ед. ч.¹⁶:

(5) ...^miš-pu-ú-i-ni-še ... ^mme-nu-a-še...^dhal-di-e-i su-si ši-di-š-tú-ni „...Ишпуини... (и) Менуа воздвиг(ли)...Халди (р. п.) храм“, HchI 8 I = УКН 25: 1—2 // 6—7.

(6) ...^dhal-di-i i-a-ra-ni ši-di-iš-tú-ni „...Халди (р. п.) культу-р-ный постамент¹⁷ воздвиг“. HchI 25 IV = УКН 30:13—14.

(7) ^mme-nu-a-i pi-li ti-i-ni „Менуи канал имя (его)“. Hch 29a—d I = УКН 43: 3.

(8) URU^{sa-si-i-ni} URU LUGÁL-^{ru-si} ħi-la-ru-a-da-a-la-gu-nu-ni ma-nu „Саси (артикуль), город царский Хиларуады, укреплен был“. HchI 104 VII = УКН 158: 19—20.

(9) [t]e-ru-bi ti-ni ^mru-[s]a-a-i šu-^{le}! „Я установил /поставил (ему) имя „Русы озеро“. HchI 121 I = УКН 268: 4.

Фридрих впервые предположил суффикс /ini/ в следующем предложении:

(10) ^mme-nu-a-i-ni-e-i SAL^{si-la-a-(i)-e} ta-ri-ri-a-i i-ni GIŠ^{ul-di}. HchI 40 = УКН 111: 1—2 // 4—5.

Фридрих разделял слово на сегменты menua-ini-e-i и переводил «этот виноградник—Менуиной супруги (?)»¹⁸ Таририи.

Приводим ниже еще несколько контекстов, где Фридрих видел тот же суффикс:

(11) [^d]hal-di-ni-e ba-du-si-e DUB-t[e te-r]u-ú-bi. HchI 74 об.

II 3—4 = УКН 99 об. 2—3. Фридрих рассматривает ba-du-si-e как приложение к DUB-te и переводит: „Халдиеву разрушенную (?) таблицу я поставил“. Однако наиболее вероятно, что ba-du-si-e стоит в дательном падеже¹⁹.

(12) ^dhal-di-ni-i URU-i-e ru-lu-si „стелу Халдиева города“ (или: „принадлежащую к (дат. п.) Халдиеву городу“). HchI 79 = УКН 301: 1.

(13) ^dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni „Халдиевым величием“ passim.

(14) [^dal]-di-ni-ni uš-g[i]-ni // [ina?] [te?]-ni-[e?]-ni ^dhal-di-e²⁰ „Халдиевой милостью“. HchI 9 § 10 = УКН 19 (Келяшин): 20 // 17.

(15) [^dhal-d]i-ni-ni ba-ú-ši-i-ni „Халдиевым приказом“. HchI 122 § 4 = УКН 264 (Топзава): 17²¹.

Сюда же подключает Фридрих примеры типа Tušra(ni)-pa^{ce} DINGIR, что он переводит «тушпинские (города Тушпы) «боги», из чего видно, что он разбивает слово на сегменты Tušra(n)-in(i) - a^{ce}, причем /a^{ce}/ рассматривается как морфема мн. ч. дательного падежа. Об этих формах см. ниже.

Если сопоставить это положение вещей с утверждением Дьяконова, что адъективизирующий суффикс /ini/ свободно варьируется с суффиксом родительного падежа, то мы должны прийти к иному выводу:

1. Морфема родительного падежа /i/ ~ /e/ ~ /ei/ встречается только тогда, когда определяемое стоит в абсолютном падеже (т. е. в падеже цели действия в переходном предложении и исхода действия в непереходном).

2. Суффикс принадлежности /ini/ встречается только тогда, когда определяемое не стоит в абсолютном падеже.

Это распределение было замечено уже Гамкрелидзе²² и Меликишвили²³, однако последний приводит примеры, которые кажутся противоречащими показанному выше: ^mmenua-ini ħubi «минуина долина (?)» и ^mrusa-ini ħubi «Русина долина (?)». Однако предложения, из которых взяты эти примеры, звучат следующим образом:

(16) 'ku-^{tu-ni} ra-ri ^mme-nu-a-i-ni-^{le} 'ħu-bi-i'. HchI 34 II = УКН 59: 5—6; ħubi здесь не стоит в абсолютном падеже, так как

предлог *paṅi* требует косвенного, обычно дательного падежа. Перевод: „продвинулся до долины (?) Менуи“.

(17) $\text{ḡ}^1\text{-nu-ka-ḡi-ni-e}^m \text{ ḡu-sa-i-ni-e} \text{ ḡu-bi-GE}$. Nchl 126 III = УКН 281 : 16—17.

Здесь *ḡu-bi-GE* не абсолютный, а дательный падеж²⁵.

Меликишвили приводит в доказательство согласования с неоформленным падежом также пример $\text{ḡ}^d \text{ ḡaldine DUB-te}$, но он, по-видимому, извлечен из уже приводившегося примера (11), где $\text{ḡ}^d \text{ ḡal-di-ni-e}$, вероятно, согласовано со следующим за ним *ba-du-si-e* в дательном падеже. Итак, и этот пример не доказывает употребление /*ni*/ с определением при определяемом в абсолютном падеже.

Часто встречающаяся в различных написаниях формула:

(18) *ḡaldi kuguni ḡaldini šuri kuguni* толковалась различным образом. Так, *ḡaldi* рассматривался как родительный падеж, зависящий от *kuguni* в аблативно-инструментальном падеже (перевод: „могуществом Халди (р. п.)“²⁷. Однако *-ni* в слове *kuguni* не может быть показателем аблатива, поскольку иногда встречается форма *kugunini*. Другие рассматривали *kuguni* как прилагательное в абсолютном падеже²⁸, переводя: Халди могуч, оружие²⁹ Халди могуче“. Если это верно, то *šuri* и относящаяся к нему форма *ḡaldini* должны стоять в абсолютном падеже, что противоречило бы предложенному выше правилу распределения.

Однако различные варианты формулы показывают, что суффикс /*ni*/ может прибавляться к любому слову внутри предложения (18). Поскольку в отношении семантики слова *kuguni* до сих пор нет ясности, постольку удовлетворительный анализ формулы кажется пока невозможным.

Насколько мне известно, до сих пор не взвешивалась возможность, отнюдь не могущая быть исключенной, что *kuguni(ni)* — послелог, который может (подобно, например, предлогу *paṅi*) конструироваться с различными падежами. В пользу этого говорят следующие два примера: $\text{ḡ}^d \text{ ḡal-di-i ku-r[ḡu-ni DIN]GIR}^{\text{MES}}$ -на *ku-ru-ni*. Nchl 56 II = УКН 89 : 5, где *DINGIR*^{MES} -на никак не абсолютный, а локативный падеж мн. ч. Точно так же и $\text{ḡ}^{\text{KUR}} \text{ ba-ba-}$

ni-a [k]u-ḡu-ni-e. Nchl 118 II = УКН 266 : 12—13, где тоже имеем локатив. Можно предложить перевод послелога *kuguni(ni)*: „при, с, на стороне“, который вполне подходит во всех случаях его употребления. Ср. также контекст Nchl 7 III = УКН 24 лиц. 13—14: $[\text{ma}] \text{-a-ni}^m \text{ iš-[p u]-ú-i-ni ku-ḡu-ni}^m \text{ me-nu-ú-a ku-ḡu-[ni}^{\text{LÜ}} \text{ ḡu-ra-di-na-a} \text{ I ME 6} \text{ ḡi}^{\text{ḡ}} \text{ ḡIGIRI} \dots$ Его не нужно было бы — как это вынуждает трактовка *kuguni* как прилагательного — разлагать на два предложения, причем первое из них оказывалось бы именным предложением без связки /*ni*/ (ср. ниже). Вполне осмыслен перевод: «было при Ишпуини (и) при Менуа в войсках 106 колесниц»... При таком толковании выражение *ḡal-di-ni šu-ri-i* могло бы быть родительным падежом, зависящим от послелога *kuguni*. Однако эта формула пока остается проблематичной, и лучше не привлекать ее для обсуждения настоящего вопроса.

Просмотр всех урартских надписей не дал ни одного надежного примера, когда форма с /*ni*/ в противоположность установленному выше распределению стояла бы при определяемом в абсолютном падеже.

Грамматический анализ сегмента, выделяемого в качестве морфемы /*ni*/, лучше всего привести на примере обозначений предметов, сохранившихся во множестве, при идентичной структуре текста и при перемене только царского имени:

(19) $\text{me-nu-a-i ú-ri-i[š]-ḡi}$ „Менуи предмет (утварь)“. Nchl 40B = УКН 118a.

Абсолютному падежу *uṅiḡi* здесь предпослано имя владельца в родительном падеже. Но в другой надписи определяемое выражено именем производным на /*usi*/ от того же *uṅiḡi* — *uṅiḡiḡusi* (нередко с детерминативом «дома» *É*) оно означает «склад (утвари)» и само стоит в родительном падеже:

(20) $\text{me-nu-a-i-ni-e-i ú-ri-iš-ḡu-si-ni-e-i}$ „(предмет из) склада Менуи“. Nchl 40A = УКН 112—117.

В краткой надписи на урартском светильнике из Гамбурга³¹ обе синтагмы помещены рядом:

(21) $\text{ḡu-sa-a-i ta-na-a-ši}^m \text{ [r]u-sa-i-ni-i ú-ri-iš-ḡu-si-ni-i}$ „Русы светильник, (из) Русы склада“. УКН II 443.

Мое объяснение опирается на установление Фридрихом же морфемы—«/ni/ переноса суффикса» („suffixanreihende“ (ni)³². Эта морфема лучше всего известна при «переносе суффикса» эргатива в отчествах:

(22) ^mme-i-nu-ú-a-še ^miš-pu-u-i-ni-ḫi-ni-še „Менуа, (сын) Ишпуини.“. HchI 69 I = УКН 107 : 4 // 18—19 и т. п. passim.

К сожалению, новейшие урартские грамматики отказались от этого наблюдения Фридриха³³. Так, Меликишвили выделяет суффикс принадлежности /ḫi(ni)/³⁴ и тем самым предполагает свободное варьирование /ḫini/ и /ḫi/. Однако и в данном случае распределение оказывается таким же, как для предполагаемого /ini/:

1. /ḫi/ стоит только, если определяемое имя стоит в абсолютном падеже, например, ^mrusa-ni ^margišti-ḫi „Руса, (сын) Аргшти“.

2. /ḫini/ стоит при определяемом в другом любом падеже единственного числа (о множественном см. ниже); например, для эргатива см. пример (22), а также следующие примеры для родительного и дательного падежей: ^mrusa-i ^margišti-ḫini-i HchI 103A = УКН 283, ^mišpuini-e ^msarduri-ḫini-e. HchI 12 = УКН 18; 13—14 (текст восстановлен, но вполне надежно).

Это распределение было замечено Дьяконовым³⁵; он правильно отождествляет это /ni/ после /ḫi/ с хурритским артиклем ед. ч. /ne/, однако неправильно истолковывает оппозицию rusa-ni argišti-ḫi; rusa-i argišti-ḫi ni-i, полагая, что при адъективном определении на /ḫi/ артикль употребляется только однажды, в первом случае при имени собственном, детерминированном артиклем, во втором—при прилагательном.

Здесь мы не будем касаться суффикса /ni/ в первой синтагме; но мне кажется возможным этимологически отождествлять его не с артиклем ед. числа, а с энклитическим личным местоимением 3 л. ед. ч., хурритским /n/ ~ /nna/³⁶.

В противоположность мнению Дьяконова, для второй синтагмы существует точная параллель в хурритском³⁷, но лишь при том же, что и в урартском, условии, а именно, чтобы определяемое имя не стояло в абсолютном падеже³⁸.

(23) ḫur-wu-u-ḫé-né-e-we KUR₁ u-u- < mi > -i-in-né-e-we (ḫurv-ḫe-nē-ve omīni-ne-ve „хурритской страны“ (с артиклем). Mit. II 72.

Структурное тождество полное, не считая того, что при урартском имени собственном не стоит артикля. Артикль имеет в подобных синтагмах коррелятивную (согласующую) функцию³⁹; можно сравнить, например, греческую конструкцию типа τῷ υἱῷ τοῦ βασιλέως.

Такая же конструкция образуется в хурритском и при определениях в родительном падеже⁴⁰, причем коррелятивный артикль присоединяется только в том случае, если определяемое не стоит в абсолютном падеже; если же он стоит в абсолютном падеже, то при определении в родительном падеже появляется коррелятивный артикль.

Таким образом, определение в родительном падеже, в отличие от европейских языков, согласуется с определяемым в числе и падеже:

(24) še-e-ni-iw-[wu]-ú-e-né-e-we KUR u-u-[m]i-i-ni-i-we (sēn(a)-iffu-ḫe-nē-ve omīni-ve) „брата моего страны“. Mit. I 97 (родительный падеж).

(25) KUR mi-zi-ir-ri-e-we-né-eš ew-ri-iš (mizri-nē-ve-ne-z evri=z) „Египта господин“. Mit. I 85 (эргативный падеж).

(26) še-e-ni-iw-wu-ú-e-né-e-wa aš-ti-i-i-wa (sēn(a)-iffu-ḫe-nē-va ašti-(i)-va) „брата моего жене“ Mit. II 6 (дательный падеж).

(27) še-e-ni-iw-wu-ú-e-né-e-en-pu-uḫ-ḫa ti-ša-a-an-pu-uḫ-ḫa (šēn(a)-iffu-ḫe-nē-nn(i)-o-ḫḫ(e)-a tišā-nn(i)-o-ḫḫ(e)-ā) „в брата моего (притяж. прилагательное) сердечности (?)“ Mit. II 10 (локативный падеж).

Так же точно следует рассматривать урартские формы с ошибочно вычлененным сегментом /ini/: на самом деле это формы родительного падежа⁴¹, принимающие падежные окончания определяемого после примененного в соотносительной (коррелятивной) функции артикля /ni/, тем самым устанавливая согласование в падеже между определяемым и определением.

Приведенные выше в силлабической транслитерации примеры (10) — (15), якобы содержащие сегмент /ini/, должны в аналитической транскрипции представляться в следующем виде:

(10) meṇna-i-ne-i siṭa-i⁴² „дочери (род. п. ед. ч.) Мелнуи“.

(11) ḥaldi-i-ne-e baḍusi-e „Халди (род. п.) совершенству (?)“.

(12) ḥaldi-i-ne-e riṭai-e riḥusi „стат городу (= для города) Халди (род. п.)“.

(13) ḥaldi-i-ne-ni alsuiši-ni „Халди (род. п.) величием“.

(14) aldi-i-ne-ni ušgi-ni „Халди (род. п.) милостью“.

(15) ḥaldi-i-ne-ni bauši-ni „Халди (род. п.) велением“.

В 1930 г. А. Гётце в своей обработке стелы из Келяшина предположил существование морфемы /pa/ на основании формы haldina(ni) KÁ⁴³, а также множества форм родительного падежа мн. числа на -paṭe; однако в дальнейшем наука за ним не последовала. Критика К. Ф. Леманн-Гаупта была совершенно ошибочной⁴⁴, а И. Фридрих предложил выделить морфему мн. числа /a/⁴⁵, в чем за ним до сих пор следовали все изложения урартской грамматики⁴⁶. Лишь М. Сальвини недавно вновь допустил возможность того, что /pa/ является показателем мн. числа косвенных падежей⁴⁷.

Часто встречающаяся п перед а Фридрих рассматривает обычно как принадлежащее к суффиксу притяжания /ini/, причем конечный гласный согласуется с последующим гласным. Г. А. Меликишвили видит здесь тенденцию прибавлять падежные показатели, кроме номинатива множественного числа, не к чистой основе, а к абсолютному падежу⁴⁸, каковым он считает чистую основу плюс суффикс -ni. Дьяконов также принимает /a/ за показатель множественного числа косвенных падежей, а предшествующее ему -п- рассматривает как артикль, с помощью которого образуется так называемое «определенное склонение»⁴⁹.

Казалось бы, выделение показателя мн. числа /a/ подтверждается случаями, когда ему предшествует не п, а другой согласный:

šuraṭe в титуле „царь стран-šuri“;

ereṭaṭe в титуле „царь царей“;

[p]ilaṭe дат. п. мн. ч. от pili „канал“. HchI 121 I = УКН 268:3.

[d]iraṭe дат. п. мн. ч. ([d]i ненадежно). HchI 10 II 19/x 65 = УКН 27 : 19 || 65.

Однако все формы мн. числа без п перед предполагаемым показателем мн. числа /a/ могут быть без труда объяснены, если предположить, что в урартском действовал тот же фонетический закон, который хорошо известен в хурритском, а именно превращение -rin->-r(r)-, -lin->-l(l)-. Подобно тому, как в хурритском *avari-ne „поле (с артиклем, das Feld)“>avarre и *šavali?-na (ауслаут основы неясен) >šavalla „годы“ (с артиклем, die Jahre), так же точно следует анализировать и урартск. šuraṭe < *šuri-na-ṭe, ereṭaṭe < *ereli-na-ṭe и т. п.

В отличие от хурритского, в урартском этот закон не распространяется на звукосочетание -nin-(хурр. enna < *eni-na, omippe < *omini-ne, но в урарт. ardini-na-ṭe и т. п.

Зато если форму arṭu'ar(a)saṭe HchI 10 II 14/X 54 = УКН 27 : 14//54 следует воспринимать как дат. п. мн. ч., то необходимо допустить, что аналогичный фонетический закон действовал для звукосочетания -s(i)n->-s(s). Ср. в хурритском довольно аналогичный переход (*-ž-ппа > -ssa)⁵⁰ при морфеме эргатива. Однако вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с дат. п. ед. ч. основы на -и.

Этимологическая привязка к точно так же звучащему артиклю мн. ч. в хурритском напрашивается сама собой и подтверждается также одинаковым для обоих языков употреблением той же морфемы /pa/ в качестве соотносительной частицы, присоединяемой к определению при определяемом во множественном числе:

(28) ^dḥal-di-na-ú-e BE-LI^{MEŠ} (ḥaldi-i-na-ṭe BÉLI-*ṭe) „Халди (род. п.) оружием“. HchI 10 II 7//X 41 = УКН 27:7//41.

(29) ^dḥal-di-na-ú-e KÁ (ḥaldi-i-na-ṭe *šešti-na-ṭe) „(бога) Халди (род. п.) воротам“. HchI 10 II 16//X 58 = УКН 27: 16 || 58.

(30) ^{KUR}e-ba-ni-n[a-ú]-e DINGIR (ebani-i-na-ṭe DINGIR-na-ṭe или ebani-na-ṭe DINGIR-e) страны богам“ или „стран богу“⁵¹. HchI 10 II 18//X 63 = УКН 27 : 18 || 63.

В урартском /па/ ставится регулярно при всех падежных показателях, кроме абсолютного падежа мн. ч. А из этого следует, что это /па/, в отличие от хурритского, не имеет детерминирующей функции. Это, несомненно, объясняется тем, что исконная функция показателя множественности /az/, сохранившегося в урартском лишь пережиточно⁵², перешла к первоначальному артиклю мн. числа. В хурритском—за редкими исключениями—артикуль отсутствует⁵³, когда имя определено притяжательным местоимением. Такие примеры, как *tub-bi-aš* Mit. III 39, 45, не могут с полной уверенностью считаться неопределенным соответствием детерминированного *turpi-na (с артиклем), потому что их можно рассматривать также как *turpi-i-az* «их таблички». Недетерминированное множественное число имени отличается от форм единственного числа только по множественному характеру приложения или определения: *ḫurā [di-ll] a-añ* «воины-страны (?)». Mit. II 108; *tive šurve tea* «слов плохих много» Mit. IV 2. Первый случай, а именно маркирование мн. числа с помощью энклитического личного местоимения возможно только в абсолютном падеже. Из него в урартском (вследствие отпадения категории детерминированности во мн. ч.?) образуется нормальная парадигматическая форма абс. п. мн. ч.

Подведем итоги:

1. Суффикса принадлежности /ini/ в урартском не существует;

2. Показателя мн. числа /а/ в урартском не существует;

3. При определениях родительным падежом или формы на -ḫi падежные показатели определяемого переносятся на определение после присоединения соотносительного артикля /pe/ (ед. ч.) или /па/ (мн. ч.), если определяемое стоит в косвенном падеже;

4. Во всех падежах мн. ч., кроме абсолютного, выступает показатель мн. ч. /па/, этимологически связанный с хурритским артиклем мн. числа;

5. Если основа имени (последний согласный имени) кончается на i или г, то гласный основы («тематический») выпадает, а п соотносительной частицы /па/ ассимилируется с последним согласным имени.

II. КОМИТАТИВНЫЙ ПАДЕЖ В УРАРТСКОМ

В урартском известно слово пага, всегда встречающееся в одном и том же контексте формулы проклятья:

(1) *mei ina(i)ni mei paḡa auie ulule*. УКН 29 : 22, 30 : 23; 36 : 36; 37 : 20; 39 : 28; 40 С : 17; 43 : 13; 44 : 14; 45 : 14; 47 : 9; 57 : 23; 61 об. 18; 63 : 16; 92а-с 18; 127 VIII 19; 128 АЗ : 15; 156 А II + А I 24; 158 : 40; 169 : 28; Н.—Р. Schäfer, Ist. Mit. 23/24 (1973/74) 35 : 25, А. М. Dinçol/Е. Kavakli, JKF Beih. 1 (1978) 71 : 3. Встречаются написания па-га (2 раза), па-га-а (8 раз), па-а-га (2 раза), па-а-га-а (5 раз); в остальных случаях слово сохранилось неполностью.

Несмотря на различные попытки перевода⁵⁴ формулу эту следует и сейчас считать в основном непонятной⁵⁵. Как Меликишвили, так и Кёниг пытались выявить значение пага, привлекая неоднократно встречающийся в военных реляциях оборот, который, с их точки зрения, содержит то же самое слово:

(2) *URU-e LÜ ta-ar-šú-a (-) na-ra-ni GIBĪL-bi*. УКН 127 II 44 сл.

(3) *60 URU^{MEŠ}-e LÜ UN^{MEŠ}-ra-[ni a-ma]-āš-[tú]-bi*. УКН 127 III 35. (восстановление по Hchl 80 § 6 VI и прим. 4).

(4) *LÜ ta-ar-šú-a(-)[na-ra-a]-ni a-bi-li-du-íú¹-[bi]*. УКН 128 B1 : 9.

(5) *[^m]ḫa-ḫa-a-ni LUGÁL^{KUR} ḫu-šá-a-al-ḫi LÜ UN^{MEŠ}-ra-[ni] (el-di-ni ta-āš-mu-ú-bi*. УКН 155 С 3 сл.

(6) *UN^{MEŠ}-ra-ni GIBĪL-b[i]*. УКН 155D 8.

(7) *LUGÁL UN^{MEŠ}-ra-ni SAL lu-tú-bi*. УКН 160 : 6.

Меликишвили (УКН, 402) толкует пагани как «народ» и считает это чтением логограммы ^(LÜ)UN, которое иногда имеет при себе комплемент -гани. В соответствии с этим он отделяет слово *taršuaní* «человек» (с. 409) от логограммы UN («люди, народ»).

Напротив того, Кёниг—видимо исходя из формулы проклятья (1)—предполагает значение «жизнь» для пага, отождествляет логограмму ^(LÜ)UN^{MEŠ} с *taršua-*, а в *taršuanarani* видит лексическое слияние обоих слов (Hchl 196, 204).

Против толкования Меликишвили говорит несомненное тождество логограммы (LÜ)UN^{MEŠ} со словом taršuanī, которое проявляется в перечнях добычи в анналах. При этом в анналах Аргишти I захваченные пленные обозначаются в параллельном контексте то как LÜtaršuanī^{MEŠ} (УКН 127 I 14, III, 41, IV, 2, 60, V, 5, 27), то как LÜUN^{MEŠ} (УКН II 21, 46, III 14, IV 37, VI 8), в то время как анналы Сардури II явно предпочитают логографическое написание. Однако ни в той, ни в другой надписи в данной связи ни разу не встречается предполагаемое слово *paḡanī.

Точку зрения Кёнига следует отвергнуть по ряду причин. Прежде всего, словосложения в урартском не встречаются, а в хурритском встречаются чрезвычайно редко⁵⁶. Мало того, мы должны были бы предположить такой тип словосложения, при котором первое слово сокращалось бы, поскольку в урартском, как и в хурритском следует принять как лексему tarš(u)anī, а не *tarš(u)anī⁵⁷. Последняя форма ни разу не встречалась изолированно ни в том, ни в другом языке, и если и возможно, что конечное -nī здесь является суффиксом (см. ниже прим. 74), то это, во всяком случае, не артикль ед. ч. /ne/⁵⁸. Во-вторых, следовало бы ожидать форму мн. ч., так как taršuanī, вопреки Кёнигу (Hchl 204), не следует рассматривать как имя коллективное; то обстоятельство, что в списках добычи множество людей передается абс. п. ед. ч. taršuanī, а не мн. ч. taršuanī(ni)li, объясняется тем, что в урартском после числительного имя исчисляемого объекта, как и во многих других языках, ставится в ед. ч. (как в русском при названии некоторых мер с числительными выше «4»: пять грамм, шесть аршин и т. д.). Эту особенность урартский не разделяет с хурритским⁵⁹. Ясная форма мн. ч. от данного слова представлена в надписи из Топузавы: LÜUN^{MEŠ} - ū - e (УКН 264:25).

Таким образом, остается единственная возможность: считать -paḡanī за суффикс или группу суффиксов к taršuanī/(LÜ)UN^{MEŠ}. Но это значит совершенно отказаться от сопоставления со словом пага в формуле (1).

Для более точной интерпретации -paḡanī следует исходить из следующих пунктов:

1. taršuaḡanī стоит во всех случаях в транзитивном предложении, где эргатив представлен 1 л. ед. ч., а именно царем, от лица которого изложена надпись;

2. Прямой объект предложения — «город», «страна» или «царь» (чужой).

3. Глаголы — amašt-/GIBIL «сжигать» (город), abilid- «присоединять, аннексировать» (страну), SALlut- «обратить в женщины (кастрировать? или поработить?)», tašm- „?“ (Меликишвили, УКН 409 переводит «пленить» (?), Кёниг, Hchl 204 — «депортировать»).

В шести наличных примерах taršuaḡanī состоит в комитативном отношении к слову, стоящему в абсолютном падеже (комитатив соответствует предложенной конструкции «[вместе с]»): страна (вместе с) людьми, относящимися к ней, город (вместе с) жителями», «царь (вместе с) народом». Действие, выражаемое глаголом, можно с одинаковым успехом отнести к причисленным объектам и к taršuaḡanī, однако же последнее слово стоит не в абсолютном падеже.

Так как во всех приведенных случаях можно видеть показатель мн. числа /pa/⁶⁰, то падежным окончанием следует считать /paḡanī/. Судя по приведенным примерам, он выражает совместный падеж (комитатив).

Этот вывод подтверждается данными хурритского языка, в котором известен комитативный падеж на /ga/⁶¹. Его частотность в так называемом «Митаннийском письме» по сравнению с другими падежами низка, и поэтому не следует удивляться редкости соответственного падежа /paḡanī/ и в урартском. Последний нужно, на основании хурритского соответствия, рассматривать как составной суффикс /ga-pi/; вторая его часть /pi/, несомненно, тождественна инструментальному (отложительно-творительному) падежу /ni/, который хорошо известен в урартском⁶² и, как будет показано в следующем разделе, может быть обнаружен и в хурритском.

III. ХУРРИТСКИЙ АБЛАТИВНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПАДЕЖ /ne/

8-я таблица очистительного ритуала Шалашу из Киццуватны⁶³ содержит хеттско-хурритскую билингву⁶⁴. В хеттской версии сказано:

Об. III 45' . . . ki-i [t-pa]-an-da-la-az iš-ḫi-ia-an-da-an 46'
[1] a-a-at-ten LÚ GIŠ-[ru-wa-a]n-da-an-ma-kán GIŠ-ru-wa-az
47' [ar-ḫa] tar-na-at-[ten

«Немедленно развяжите связанного, отпустите прикрепленного к колку от колка!».

Хурритская версия сохранилась неполностью:

Об. IV 45' . . . ar-ra (-) an-du-[ ] x-ar
46' ḫé-e-re-ne ḫé-e-er-pa-a-al ḫé-[ ] x x [ ] x-iš
47' zu-u-ul-a-zu-ul-lu-ú-ti-iš

Императиву мн. ч. latten хеттского перевода, очевидно, нет соответствия в хурритском оригинале. Обычно хетт. $\bar{la}$ - передает хурр. firvirist-, которое нельзя поместить ни в лакуне в конце стк. 45', ни в такой же лакуне в стк. 46'. Но в конце стк. 46', очевидно, следует поместить форму, имевшую то же окончание, что и sulludiz в следующей строке и, надо полагать, так же являющуюся синонимом к sulludiz, как хетт. $\bar{la}$ - представляет собой синоним к arḫa tarpa-. Вероятно, следует выбрать восстановление, исходя из аналогии с КВо XXIII 23 (Haas/Thiel, Allait. № 4,1), лиц. 19': (ḫi-ri-ir-pa-ti-ḫi-ir-p [u]-ti-iš)⁶⁵.

Отождествление ḫeri с GIŠ «дерево» установлено Ф. Хаазом и Г. Ю. Тилем путем указания на морфологическое соответствие хетт. taguant- с хурр. ḫeribade⁶⁶. Однако они не высказались по поводу падежной формы ḫerene, переведенной в хеттской версии аблативом (отложительным падежом) tagu az. Так же и Ларош⁶⁷ цитирует эту форму, не указывая ее падежа. Представляется вероятным, что /ne/ следует определить как граммему аблативно-го падежа и в хурритском.

В том же тексте имеется и дальнейший материал, подтверждающий существование хурритского аблатива на /ne/: стк. 38' сл. хеттского перевода читается: IŠ-TU! É EN 'S[SKUR-wa] p [a-r]a

-a ú-wa-u-en „из дома жертвователя („господина жертвы“) мы вышли“⁶⁸.

Хурритский оригинал гласит в этом месте:

38' . . . [. . .]

39' aš-ḫi-la-aš-še-né x-x-ti-il⁶⁹ . . . где ašḫlassē—номинализованная форма эргативной формы 3 л. ед. ч. от основы ašḫ- „жертвовать“ (ašḫ-i-ya-sse)⁷⁰. Эта форма употребляется в группе ритуалов Аллаитурраххе/ Шалашу и помимо того в ритуалах „старухи“ (^{SAL}ŠU. GI)⁷¹ в качестве синонима более известного ašḫo-žikkonne „жертвователь“, но именно только во фразе ḫil-l-i ašḫ-i-ya-sse, что соответствует хетт. pu-kán EN SISKUR ŠUM-ŠU tezzi „и она называет жертвователя по имени“⁷².

Поскольку ašḫ-i-ya-sse-ne не стоит в род. пад., постольку совпадение обеих версий является неполным. Предположить, что перед нами абсолютный падеж, исходя из априорно возможного отождествления написания -né как артикля ед. ч. /ne/, значило бы не оставить уже никакой связи с высказыванием, содержащимся в хурритском предложении и признать, что хеттский переводчик совершенно не понял оригинала. Это, однако, весьма маловероятно, поскольку данное предложение находится в осмысленной связи со следующим, которое, несмотря на разрушения в строке, явно совпадает с соответствующим хурритским предложением⁷³. Поэтому и здесь вероятнее всего принять значение аблатива: хурритская версия гласит «от жертвователя», а хеттская дает парафраз «из дома жертвователя».

В «Митаннийском письме», пока наиболее основательно изученном памятнике хурритского языка, до сих пор формы аблатива на /ne/ выявлены не были. Это объясняется смешением с артиклем ед. ч. /ne/ и «индивидуализирующим суффиксом» /ni/⁷⁴. Однако следующие примеры позволяют установить граммемы падежа на /ne/ (графически né-, ne-e) также в этом памятнике:

Mit. IV 124 сл. i-i-al-la-a-ni-i-in KUR u-u-mi-i-in-na^{MEŠ} [šu-ú-a]l-la-ma-an e-e-še-ni tup-pa-aš-še-na^d Ši-mi-i-ge-néš ḫ [u-š] u-[u] d-du-u-la-a-aš-še-na. Поморфемная транскрипция⁷⁵: ía-llā-nīn omīn-na šua-lla-man ēze-ne tupp-a-sse-na šimige-nez ḫuz-utt-ōl-a-sse-na

Речь идет о двух «относительных придаточных предложениях» обычной структуры, которая характеризуется тем, что определяемое слово, от которого зависит придаточное предложение, какова бы ни была его падежная форма, зависящая от его места в главном предложении, всегда является прямым объектом «относительного предложения». Если определяемое слово стоит не в абсолютном падеже ед. ч., то номинализированный глагол «относительного предложения» обозначается как определение к нему, а именно с помощью переноса суффиксов (т. е. маркировки согласования).

Глагольную основу *tupp-* не следует сопоставлять ни с *tupri* < аккад. *turritum* «глиняная табличка», ни с извлеченным из шумерно-хурритского словаря HAR-га = *ḫubullu* II, стб. II 23 словом *tub-* «сильный»⁷⁶. Судя по всем примерам из «Митаннийского письма»⁷⁷, оно означает «иметься в наличии, присутствовать».

Глагольная форма второго относительного придаточного предложения неясна в двойном отношении. Основа *ḫuz-* известна в Нузи в значении «связывать»⁷⁸. Функция комплемента основы */utt/* неизвестна⁷⁹, суффикс */ol/* обычно придает глаголу непереходное, возвратное значение и т. п.⁸⁰. На последнее мог бы указывать и тематический гласный */a/*, выражающий изъявительное наклонение неопределенного непереходного глагола. Однако такому предположению решительно противоречит наличие эргатива *šimige-ge-ne-z*, который предполагает форму с эргативным суффиксом 3 л. ед. ч. */ya/*⁸¹. Фонетический характер сонорного */ol/* не может быть причиной отсутствия тематического гласного переходного глагола */i/*, поскольку тот же согласный не оказывает такого влияния в формах *kul-i-ya* и *pal-i-ya*. Поэтому предварительно можно лишь предположить, что */ol/* может воздействовать на тематический гласный так же, как */ed/* и */oz/*⁸². Таким образом, мы переводим оба относительных придаточных предложения следующим образом: «все страны, которые *êze-ne* (*êze* «небо») имеются, которые Солнце соединяет (?)»...

Если рассматривать *êze-ne* как абсолютный падеж, то он должен был, согласно правилам паратаксии (порядка слов), сто-

ять рядом с *omin-na* «страны». Но при этом нарушилось бы согласование в числе и не получилось бы осмысленного перевода. Напрашивающийся перевод «под небом» приписывает граммеме */ne/* субэссивное значение, что вполне может рассматриваться как семантическая разновидность аблатива. Mit. I 84 сл. *še-e-na-wu-ša-an . . . ta-še ap-li ta-a-a-nu-u-ša*^{URU} *i-ḫi-be-ni URU šimi-i-ge-né-e-we-né-e-ma-a-an ú-nu-u-u-ša*. Поморфемная транскрипция: *šēpa-v-už-an . . . taše abli tân-ōz-a ig'ibe-ne (arde) šimige-nē-ve-nē-māp up-ōz-a*

Глагольная основа *up-* в непереходной форме переводится обычно как «приходить». Возможность применить одну и ту же основу как в транзитивном, так и в интранзитивном значении имеет параллель в урартском⁸². Эту возможность рассматривал уже Буш, однако он подчеркивает неясность контекста⁸³ и не касается вопроса о падеже, в котором стоит топоним. Предположение, что перед нами аблатив на */ne/*, сразу снимает трудность этого пассажа: транзитивное соответствие к «приходить» будет «доставлять», точнее говоря, семантика самой основы соответствует движению от одного пункта к другому с точки зрения последнего, причем этот пункт не должен быть местоположением говорящего. Трудно решить с полной уверенностью, соединяет ли здесь союз */māp/* предложения или слова внутри предложения⁸⁴; первое более вероятно, причем эргатив (*šēpa-v-ūz*) и абсолютив (*taše abli*) из первого предложения относятся также и ко второму. URU *šimige-ne-ve* следует рассматривать как «тесную определительную синтагму»⁸⁵. Полногласное написание граммы аблатива обнаруживает гласный */e/*, который, возможно, следует предположить только для форм под ударением.

Таким образом, данный пассаж следует переводить: «брат твой... дар-abli сделал и из Игибе, города бога Солнца, доставил».

Два топонима, несомненно, в аблативном падеже встречаются в следующем обращении к божествам, которое неоднократно

* [Т. е. как показатели видов. Но в таком случае следовало бы ожидать, что суффикс */ol/* занимал бы ту же позицию в цепочке суффиксов.— Прим. ред.]

встречается в серии: „mān-za ANA^D dukuiš S/SKUR šarraš šipanti^{*86}.
 KBo XXIII 42+1 (=A); KBo XXI 28+1 (=B); KBo XX 128
 + III (=C); KUB XXV 47 1 (=D); KUB XXXII 44 обор. (=E);
 KBo XXII 165 (=F)

A^{27'} -i] š^D [M-up]^{28'} URU A-ar-ra-ap-ḫ[e-
 B^{5'} a-aš-ši-iš^D U-up^U [R] U A-ar-ra-ap-ḫe-ni
 C^{17'} a-aš-še-eš [ ]^{18'} [URU A-a]r-ra-ap!-ḫe!-ni URU Kum-me-ni
 D^{7'} URU Ku]m-me-ni
 E^{9'} -r]a-ap-ḫe-ni URU Kum-me-ni
 F^{14'} -a]p-ḫe-e-ni URU Kum-mi-ni

Поморфемный анализ: assež teššob arrapḫe-ne Kumme-ne
 „Воссядь⁸⁷, Тешшоб, из Аррапхе (и) из Кумме!“.

Из хеттских источников хорошо известны обращения к богам с призывом их из их главных культовых мест⁸⁸. Кумме считался исконным городом Тешшоба, который, между прочим, обозначался как «царь Куммии»⁸⁹, Аррапхе—старый центр поклонения богу-громовнику в области хурритского расселения к востоку от Тигра⁹⁰. Поэтому в цитированном примере допущение собственно аблатива вероятнее, чем выражения аблативного происхождения, конкурирующего с притяжательными образованиями на /g'e/⁹¹.

Однако то, что аблатив может употребляться и в последнем смысле, видно из текста Mari I : 34⁹²: te-šū-ba-am ku-um-me-né-en tu-wu-la-an-e-en. Поморфемный анализ: teššoba-m Kumme-ne -n tu-v-ol-an-e-en „Тешшоб (эргатив) из Кумме (+ артикль ед. ч.)⁹³ да очисти⁹⁴ тебя“. ^{94a} Ср. также [ ] ku-um-me-né-en Mari 6 : 10.

Из обоих примеров вытекает, что /ne/ могло—диалектально или позиционно—сокращаться до /n/.

В цитированном в начале раздела отрывке из билингвы в 8-й таблице ритуала Шалашу как в хурритской, так и в хеттской версии неоднократно появляется слово «гора» (хурр. fabni, хетт. логограф. ḫUR. SAG). Судя по хеттской версии, всюду, даже где текст неполностью сохранился, имелся аблатив⁹⁵. В хурритском оригинале мы встречаем в том же контексте дважды ра-ра-ап-пе-еп (стк. 34', 38').

В основах на -Cni⁹⁶ суффиксирование артикля приводит к анапексе с выпадением конечного гласного основы, вероятно с переносом ударения с предпоследнего слога основы на следующий за тем слог: fabni-¹ ne→fabanne; ср. everni-ne→evrenne, ḫavuni-ne→ḫavunne. Согласный-п в ауслауте может толковаться либо как аблатив, либо как усеченная форма энклитического личного местоимения 3 л. ед. ч.⁹⁷. Однако в последнем случае fabanne-п следовало бы рассматривать как форму абсолютного падежа, которая, однако,—все равно, рассматривать ли ее как субъект непереходного глагола, или как прямой объект переходного,—не находит никакого соответствия в хеттской версии. Таким образом, эту форму следует, подобно цитированному выше kumme-ne-п, рассматривать как усеченную форму аблативного суффикса (в такой форме только после предшествующего /ne/?).

Еще одно употребление падежа на /ne/ видно из следующего пассажа:

Mit. IV 32 сл.: ti-ša-a-ma-a-an še-e-ni-iw-wu-ú-e šuk-kán-né-en pa-ti ti-we-e-né-en ḫi-su-ú-ḫu-ši-uw-wu. Поморфемный анализ: tša-mān šēn iffu-ḫe šukkan-ne-n pa-ti tivē-ne-n ḫic-ūg'-ož-i-uffu.

В глагольной форме содержится эргативный суффикс 1 л. ед. ч. в комбинации с отрицанием. Тем самым требуется абсолютный падеж, который и представлен словом tša «сердце». Напротив, tivē («слово, дело») по семантическим основаниям не может быть абсолютным падежом, поскольку значение глагола ḫic=ūg' («обижать», соотв. аккад. šumrušu) с бесспорностью устанавливается на основании параллельных мест и сравнения с аккадскими письмами Тушратты⁹⁸.

Обсуждая это место, уже Спейзер интуитивно нашел правильное значение, хотя не сделал из этого выводов для хурритской падежной системы. Он переводит⁹⁹: even by one (...) distant word („даже единым (...) отдаленным словом“) ¹⁰⁰.

Можно принять /ne/+n/ за артикль ед. ч. + падеж /ne/ или за падеж n(e)-+ краткую форму энклитического местоимения 3 л. ед. ч. Однако контекст говорит скорее в пользу неопределенной (индетерминированной) формы, т. е. в пользу второго реше-

ния. Перевод: «и сердце брата моего затем (?) каким-либо (?) делом не обидел я».

Таким образом, в данном случае падеж на /ne/ выполняет роль инструментального (творительного).

Падеж на /ne/ в инструментальном значении по-видимому встречается в многочисленных пассажах хурритских заклинаний из Хаттусы. К сожалению, в большинстве случаев соответствующие места содержат пока столько нерешенных морфологических, синтаксических и семантических проблем, что лишь в немногих из них можно исключить предположение о том, что под графикой -né скрывается артикль ед. ч.

Во всяком случае, инструментальный падеж на /ne/ налицо, несомненно, в следующем предложении, встречающемся в многочисленных параллелях и вариантах в ритуале „mān-za ANA Ḫepat kuiš kešḫeta šipanti“ („Libation au thrône de Ḫebat“)¹⁰¹; по контексту в нем следует видеть призыв (инвокацию):

КВо XXI 33 + I 23 сл.:

23 a-aš-še-eš^D Ḫé-bat šu-u-ni-ip

24 ši-ia-a-i a-aḫ-ra-a-i ú-na-am-ma^{GIŠ} ki-e-eš-ḫé-ew-we^ḫ < ne >

25 ke-el-t[e]-i-e-né a-am-ba-aš-ši-né ke-e-lu.

Пломорфемный анализ: aššeḫ ḫebat šuni-v šiy-ai ag'r-ai
up-a-mma/kešḫe-v-ve- < ne > kelde-ye-ne ambassi-ne kel-o

Форма kel=о чередуется в предложениях, в остальном структурно идентичных данному, с формой kel-o-m¹⁰². Если до сих пор в обсуждении конечного -m этой формы исходили из инфинитивного суффикса /umme/≈/umma/¹⁰³, то после того, как Г. Ю. Тиль и И. Вегнер¹⁰⁴ на основе KUB XLVII 78 I 12'—14' представили доказательства существования энклитического местоимения абсолютного падежа 2 л. ед. ч. /mma/~m/¹⁰⁵, представляется возможность увязать такие формы, как up-a-mma и kel-o(-m) с 2 л. ед. ч., то так или иначе вызывается инвокативным характером текста.

Форма up-a с энклитическим абсолютивным местоименным суффиксом хорошо известна по „Митаннийскому письму“: ḫn-ā-ḫa-ān „и они приходят“ Mit. I 115; ḫn-ā-l-an „и они приходят“ Mit. III 19. Во всех случаях речь идет об обычной форме

предиката непереходного предложения. Наличие личного местоимения не обязательно, как, напр., paššitḫe ḫn-a „посол пришел“ Mit. II 14.

Поэтому представляется возможным переводить и up=a=mma в изъявительном наклонении. Этому, казалось бы, противоречит то обстоятельство, что контекст—обращение к боже-ству во время жертвоприношения—явно предполагает призыв, а не утверждение. Разрешение трудности дает то наблюдение, что переходный императив образуется от глагольной основы с тематическим гласным транзитивности /i/: ag-i «дай!»¹⁰⁶, pal-i «знай!»¹⁰⁷. Следует а priori предположить, что непереходные и «медиальные»¹⁰⁸ императивы должны были образовываться с соответственными тематическими гласными /a/ и /o/. Формы up-a «приди!» и kel-o «будь благополучен!» полностью укладываются в постулируемую парадигму. Следует, однако, обратить особое внимание на факультативное присутствие энклитического местоимения 2 л. ед. ч., что, таким образом, не позволяет уже отличать изъявительное наклонение от императива по этому признаку. Однако и твердо установленный императив переходного глагола в этом отношении тоже амбивалентен, совпадая с антипассивом.

Факультативное присутствие энклитического местоимения, выражающего абсолютный падеж, исключает возможность отождествления конечного -né двух предшествующих слов в качестве артикля ед. ч., ибо это означало бы, что и они стоят в абсолютном падеже. Признание инструментального падежа на /ne/ разрешает эту трудность. Присутствующая в тексте форма ke-e-eš-ḫé-ew-we^ḫ можно анализировать как (kešḫe-v-ve) и перевести как „твоего престола“. Против этого, однако, можно возразить, что определяемые подобного родительного падежа, kelde и ambassi, не стоят в абсолютном падеже, а следовательно, требуют переноса суффиксов. Но поскольку в цитируемом ниже тексте КВо XXIII. 12 об. (?) 21 в сходном контексте kešḫe ясно стоит с суффиксом притяжательного местоимения 1 л. ед. ч. с падежным суффиксом аблатива-инструментального, постольку приходится толковать kešḫe как „престольную жертву“. Соответственно в КВо

XV 33+I 24 надо эмендировать < -ne > и переводить: „Воссядь, Хепат, ты сама (?)¹⁰⁹, приди ради воды и благовония¹¹⁰ твоего трона (= тронной жертвы), будь благополучна с помощью его (= жертвователя) жертв keldi и ambašši“.

Текст KUB XLV 3 I 14 (//КВо XXIV 58 + лиц. 4')¹¹¹ содержит совершенно сходное речение, кончающееся словами ge-el-te-eb-bi-ne ge-lu (keld-iffe-ne kel-o „благодаря моей жертве keldi будь удовлетворена“). Так как здесь суффиксальное притяжательное местоимение предшествует суффиксу (ne), этот последний не может быть артиклем ед. ч., который стоял бы перед местоименным суффиксом¹¹². Артикль может появляться справа от притяжательного суффикса только в том случае, если он несет коррелятивную функцию «переноса суффиксов». Но в этом случае должен был бы предшествовать определительный (атрибутивный) суффикс¹¹³, а следовать за артиклем—показатель падежа или другая способная к согласованию грамма¹¹⁴.

То же касается приписки (мелким почерком) к хурритскому речению в уже ранее цитировавшейся 2-й таблице ритуала „mān-za ANA Хепат kuiš kešheta širanti“: КВо XXIII 12 Об. (!) 21: ge-eš-ḥé-ew-wi₁-ni ge-lum. Поморфемный анализ: kešh-iffe-ne kel-o-m „моим тронном (= тронной жертвой) будь ты удовлетворена!“.

Синтаксически сравнимы еще некоторые речения из литературы хурритских ритуалов, напр., KUB XXXII 44 лиц. II 2—3 (восстановления по об. III 13 и КВо XXI 28+лиц. II 38—39)¹¹⁵.

2 [ú-la-ap g] e-lum-ma^D He-bat^D Šar-ru-um-ma še-¹né¹-e [š-še-i]-¹e¹-[né]

3 [ge-el-te]?-i-e-né ku-la-a-am-mu-ur-ši-i-e-né. Поморфемный анализ: ula = v kel = o = mma hebat šarumma šene = ye = ne [kelde]? = ye = ne kulammurši = ye = ne „твоя ula, ты будь удовлетворена, Хепат, Шарумма, благодаря его (жертвам) šenesse-, его [kelde](?) и его kulammurši“¹¹⁶. Притяжательный суффикс относится к жертвователю (заказчику жертвы, ÉN S[SKUR]).

Также и 3-я таблица ритуала itkaḥ (ḥ)e¹¹⁷ содержит предложение, состоящее из ряда названий жертв с притяжательным суффиксом плюс /ne/ и императива kel-o-m:

IBoT 39 об.

14 [...] gul-zi-ḥi-ia-né

15 [k] u-un-zi-ḥj-ia-né zu-zu-ma-ki-ia-né ḥu-u-i-ḥi-ia-né x-bi-ia-né ḥa-ḥa-ri-ia¹-né

16 a-na-né-eš-ḥj-ia-né ú-ni-ḥi-ia-né ke-el-di-ia-né zi-[x]-ia-né šu-ú-u [p-x-ia-né]

17 kam-ma-an-ḥi-ia-né ga-li-ia-né ga-ag-ga-ri-ia-né du-ú-ni-ia-né [am-ba-aš]-ši-né ge-lum! (в тексте: -mi).

Насколько можно понять названия жертв по хеттской версии контекста, речь идет о „целительных понятиях“¹¹⁸ zuzumaki, ananešhi, uniḥi, keldi, ambašši, местностях (ḥari) или злаках и хлебах (kammanḥi¹¹⁹, gaggari, duni)¹²⁰. Уже исходя из семантики хурритских жертвенных терминов Ф. Хааз и автор настоящей статьи пришли к заключению, что хурритские термины для жертв, встречающиеся как в хурритском, так и в хеттском и аккадском контекстах, должны содержать притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -ia¹²¹.

Установление аблативно-инструментального падежа на /ne/ позволяет бросить новый свет также на цитированный там же пассаж из ритуала itkaḥ (ḥ)e. Теперь отпадает сделанное в свое время предположение, что конечное -né можно во всех случаях идентифицировать с местоименным суффиксом 3 л. ед. ч. (Mit.: /n/ ≈ /nna/)¹²². Определение конечного -ia (без последующего -né) как последовательности граммем притяжательного местоимения 3 л. ед. ч., и эссивно-дестинативного («стативного») падежа остается в силе, но это объяснение отпадает для хурритских форм с последующим /ne/. Объяснить /ya/ в этом случае можно только как притяжательное суффиксальное местоимение 3 л. ед. ч. под ударением, как в урартском¹²³, причем также перед аблативно-инструментальным суффиксом¹²⁴. Наряду с этим в Богазкее, несомненно, существовала и форма /ye/ (см. выше, с.). Исходная форма /ya/ подсказывается не только сравнением с урартским, но также и формой эргативного личного суффикса 3 л. ед. ч. /ya/ ≈ /a/ и диалектальным различием форм притяжательного суффикса 3 л. ед. ч.: /i(y)/э (митаннийский) ≈ /a/ (шуммеро-аккадская билингва, Угарит)¹²⁵.

Беспорной формы аблативно-инструментального падежа мн. числа я пока не смог установить, однако вполне возможно, что таковой окажется форма HUR.SAG^{III.A} -na-ša-ni (faban = na = a $\bar{z}$ = a = ne) КВо XXIII 23 об. 42' (контекст разрушен). Если это толкование правильно, то мы впервые имеем при последовательности граммем „показатель мн. ч. плюс падежный показатель с согласным началом“ анаптиксу с /a/ (ср. эргатив мн. ч. = a $\bar{z}$ = u = $\bar{z}$, комитатив мн. ч. = a $\bar{z}$ = u = ra).

Падежная граммема /ne/ с функцией аблатива и инструменталиса имеет точное соответствие в урартском¹²⁶. То обстоятельство, что большинство примеров удалось привести из богазкёйских текстов и лишь немногие — из «Митаннийского письма», вероятно объясняется тем, что в языке последнего выработалась новая граммема для аблатива, а именно, суффикс /dan/, составной из показателя падежа директива /da/ и сокращенной формы аблатива /n/¹²⁷. Насколько можно судить, этот показатель не имеет инструментальной функции. Он употребляется, так же как и /ne/, равно при одушевленных и неодушевленных предметах: $\bar{s}ep-iffu-dan$ „от брата моего“ Mit. III 90; $nig'-\bar{a}rg\bar{e}-dan$ „из-за подарка“ Mit. II 61. Показатель /dan/ имеет, однако, специальные значения, не установленные для /ne/ и его урартского соответствия /n\bar{e}/. Так, он употребляется в сравнении ($leb-\bar{a}n-\bar{o}z-\bar{o}-\bar{s}se\ tea\ attay-ippe$, s-n\bar{e}-dan „то, что ты установил, больше, чем отца твоего“ Mit. III 69) и может иметь также каузальное значение ($annu-dan\ ue-n\bar{e}-dan$ „из-за всего этого“ Mit. III 108, ср. III 124).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 J. Friedrich, *Caucasica* 8 (1931), 114—120.

2 Там же, 127.

3 Там же, 128.

4 Там же, 127, прим. 5.

5 A. Goetze, *ZA* 39' (1930), 112.

6 A. H. Sayce, *JRAS* 1882, 434.

7 Напр., $mennaše\ i\ šruin\ i\ i\ n\ i\ še$ „Менуа, сын) Ишлуини“, J. Friedrich, там же 126.

8 Напр., $argi\ šti\ n\ i\ n\ i$ „город Аргишти“: там же.

9 Там же, 127, прим. 5.

10 Friedrich, *Einführung* 9, И. И. Мещанинов, Грамматический строй урартского языка I, М. 1953, 37; Friedrich, *Urartäisch* 38, § 18b; Melikišvili, *US* 32; Diakonoff - HuU 70. Напротив, скептически в этом отношении настроены М. Церетели (*M. de Tsar'e'heli*, RA 31 [1934] 42) и Бенедикт (*Benedict*, UPM 124—132).

11 Diakonoff, HuU 70, пункт 3.

12 Новое исследование этой морфемы принадлежит Ф. У. Бушу (F. W. Bush, *The Relationship between the Hurrian Suffixes -ne/-na and -nni/e/-nna*, в кн. *Oriental and Occident* [Fs. C. H. Gordon], AOAT 22, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 39—52). См. также прим. 74.

13 E. von Schuler, *RHA* 68 (1961) 19—23; Bush, *GHL* 274 сл. Суффикс /nni/ ошибочно отождествлялся с артиклем ед. ч. /ne/, ср. E. A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, AASOR 20, New Haven 1941, §§ 86a, 89, 137, 159; Kammenhuber, *Hurrische Nomina*, в кн.: *Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde, Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein*, Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft 14, Innsbruck 1968, 248 сл., 257; она же, *MSS* 23 (1968), 49 сл., 58; она же, *UF* 2 (1970) 301; E. Laroche, *Ugaritica* V, Paris 1968, 530.

Часто /nni/ входит в комплекс /kkoppi/, образующий имена действующего лица, в которых /kkV/ — показатель имени деятеля, ср. нередко встречающееся хурр. $a\bar{s}ho\bar{z}ikkoppi$ „жертвователю“ — где kkv не может иметь своего обычного значения отрицания. Против скептицизма А. Камменхубер (A. Kammenhuber, *UF* 2 [1970] 302) сомневающейся, что угаритско-хурритское $a\bar{s}hlm$ = угарит. $db\bar{h}$ „жертва“ можно огласовывать как $a\bar{s}hu/ol-imme$ и стсюда давать морфемный анализ $a\bar{s}h-\bar{o}z-i-kkoppi$, говорит урартский глагольный корень $a\bar{s}h$ „жертвовать“ (NchI 175; УКН 390 сл.; Diakonoff, HuU 76). В урартском тоже имеются имена деятеля с формантом /k(k)/; пока единственный пример ^{LU} $urbikani$ „жрец заклятия(?)“ (от urb „заклять“). И. М. Дьяконов указывает также на ^{LU} $\bar{s}i-pi-ka-a$ УКН, 286. Буш F. W. Bush, AOAT 22, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 39—52) справедливо резко отделяет артикль /ne/ от „ассоциатива“- nni , которому он приписывает адъективизирующую роль, подобную /ge/, а также возможную „партиципальную“ функцию.

14 Diakonoff, HuU 71, прим. 72 к (3); 103. Приведенные на этой странице примеры не убеждают; речь идет исключительно об именах собственных, известных только по этому месту, морфология которых частично ясна, и которые все могут трактоваться как имеющие просто форму родительного падежа.

Некоторые из этих имен содержат элемент (iu), который Дьяконов (HuU 18, 68) находит главным образом в закавказских топо- и этнонимах и в трех урартских названиях профессий. По мнению Дьяконова (там же, 18), эта форма не имеет хурритских параллелей; такие имена собственные из Нузи, как: Акиу, Аривалтиу, Атиу, Энтиу, Ханиу, Хашиу, Иккиу, Ка-

ну, Кариу, Киккиу, Кузиу, Машну, Меткиу, Натиу, Палтуккиу, Пелиу, Валинниу, Зипиу, Зикиу, он считает аккадизированными формами уменьшительных на -ia.

15 Дьяконов (HuU 109) считает притяжательным суффиксом 3 л. -(i)' ja- (перед дальнейшей энклитикой и под ударением) ~-(i) j(ə) (без ударения в конечном положении). Первый алломорф можно считать падежным из-за соответствия формы ul-gu-ši-i-ā-ni e[di-ni] = аккад. 'ana' ru-ut balā'i (TI.LA)-šū „за его жизнь“ Hchl 9 = УКН 19 = *Benedict.*, JAOS 81 (1961) 372/362 : 13/12. Доказать второй алломорф труднее, поскольку он в большинстве случаев, как и здесь, следует после -i-. Однако и он, надежен, поскольку e-ū-ri-(i)-e является слоговым соответствием логографического написания EN. ŠU „его господину“.

16 Подобные же многочисленные примеры см.: *Friedrich*, *Caucasica* 8 (1931) 115—117; *M. de Tseretheli*, RA 32 (1935) 36 сл.; *Benedict*, UPM 156—161.

17 iaganī приравнено в Келяшинской билингве к аккад. rag(r)akku, что в старовавилонском означает святилище («часовню»), в позднем языке—культурный постамент (*A. Schoff*, ZA 40 [1931] 19—23); в многочисленных поздних примерах неясно, имеется ли в виду святилище как целое, или только cella.

18 sila соответствует хурр. šala и потому значит „дочь“ ср. *J. Friedrich*, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, MVAeG 42/2, Lpz. 1939, 60; *Friedrich*, *Uratäisch* 47; *Diakonoff*, HuU 77. Это значение не было принято Бенедиктом (*Benedict*, UPM 155: „жена(?)“).

19 badusi лишь очень редко пишется с конечным знаком -si; чаще всего встречается написание -si-e, почти также часто -si-i-e (ср. УКН, 392). Если сравнить имеющие то же окончание слова alusi/e, pulusi/e, susi/e, часто встречающиеся в абсолютном падеже, то окажется, что написание на -si-i-e в них вообще не встречается (su-si-i-e УКН 405—неудачное (?) восстановление). Но написание -Si-i-e, особенно в более старых надписях, характерно для передачи дат. падежа ед. ч. Как дательный падеж воспринимали badusi (e) Гётте (RHA 3/22 [1936] 183, п. 16), де Церетели (RA 30 [1933] 31 сл.); Кёниг (Hchl 177) и Бенедикт (UPM 162); в остальных случаях badusi рассматривалось как прилагательное «величественный, великолепный» и т. п.; см. *M. Salvini*, *SMEA* 9 (1969) 21 сл., с библиографией.

Доказательство того, что это слово—прилагательное, Хьюлин видел в написании ba-du-si-i-e^{MEŠ} (*P. Hulin*, *AnSt* 8 [1958] 244, п. 26, с оговоркой „если только MEŠ на камне не является опiskой“); знак множественного числа соотносится здесь со множественным числом „халдиевы ворота“ (^Dhal-di-ni-li KÁ^{MEŠ}; ср. ^Dhal-di-ni-li GĪŠ^{KÁ}-li *H. В. Арутюнян*, *ИУНКБ*, с. 38, стк. 1 и прим. 120. Против этого можно возразить, что badusi (e) нигде, где оно относится к имени во мн. ч., не согласуется с ним в числе (если его рассматривать как прилагательное). Если счи-

тать, что прилагательные, за исключением образований на hi, вообще не согласовались с определяемым, то это обесценило бы доказательную силу примера ba-du-si-i-e^{MEŠ}. Если же согласование прилагательного было обязательным, то неоднократная постановка badusi (e) в ед. ч. при имени существительном во множественном числе говорит против того, что это прилагательное. Поэтому при существующем сейчас распределении зарегистрированных форм badusi (e) с MEŠ и без MEŠ при имени во множественном числе довод Хьюлина не может считаться доказательным.

Нельзя ссылаться и на то, что окончание -usi—исключительная принадлежность прилагательных, ср. urīšhūsi «склад», несомненное существительное. Форма badusi (e) образована от badī—это слово засвидетельствовано, но семантически неясно. Против понимания этой формы как прилагательного говорит, наконец, его положение внутри предложения, поскольку оно ни в коем случае не предшествует непосредственно определяемому или следует непосредственно за ним, что следовало бы ожидать при прилагательном,—но нередко отделено от него глаголом.

При обработке отождествленной им квази-билингвы *M. Сальвини* недавно пришел к отождествлению badusi-e-аккад. adī limiddī-šu. Он переводит „alla perfezione“ (до совершенства), однако оствляет точное значение данного места текста без рассмотрения. См. *M. Salvini*, *Una „bilingue“ assiro-urartea*, в кн. *Studi Mediterranea Piero Meriggi dedicata I Pavia* 1979, 584—589. В отличие от предлагаемого ниже анализа, Сальвини видит в форме Ḫaldi-ni-e артикль ед. ч. в прямом смысле, а не в функции коррелятора суффиксов („al dio/per il dio Ḫaldi“—к богу/для бога (опред. артикль) Халди).

Ассирийское соответствие подсказывает в урартском тексте адвербиальный оборот, возникший из имени существительного в дательном падеже (указание Дьяконова). В хурритском и наречия могут иметь определения родительным падежом, как видно из предложения, цитированного ниже под (27). Соответственно, в упомянутом случае допустим и перенос суффикса, так как имя божества Халди обычно не детерминируется (ср. прим. 36).

20 Ср. *W. C. Benedict* JAOS 81 (1961) 372:20// 362:17 и комментарий 367.

21 Ассирийская версия в этом месте не вполне ясна *M. Церетели* (*M. V. Tseretheli* *Die neuen ḫaldischen Inschriften König Sardurs von Urartu*, *Sitzb. der Heidelberg Ak. der Wiss., Phil., -hist. Kl.*, Jg. 1927/28, Abh. 5, Heidelberg 1928) и вслед за ним Фридрих (*Caucasica* 8 [1931] 130)

читают с интерполяцией i-na <qi>-bi-it^D Ḫal-di-a; так же Hchl, стр. 145. Но Меликишвили (УКН, стр. 324, ассир. версия 16) читает [i]-na-a-na-at, в соответствии с позднейшим чтением *M. Церетели* (*M. de Tseretheli*, RA 44 [1950], 190). На автографии *K. Ф. Леманн-Гаупта* (*C. F. Lehmann*, *ZDMG* 58 [1904], 834) стк. 15 читается i-na bi-[it].

22 ВДИ 1956/4, 140.

- 23 *Melikišvili*, US 75.
- 24 Там же, 32. В своем переводе текста (УКН, с. 176, 343) Меликишвили справедливо не передает этих выражений в абсолютном падеже: «до долины (?) Менау», «в этой долине (?) (царя) Руса».
- 25 Знак *gi*, как нам кажется, ошибочно отделен Меликишвили от предшествующего *ḥubi* (УКН, с. 344) и рассматривается как неопределенное местоимение (обычно пишется GE-(=je_x?)e-i). Мы согласны с письменным сообщением И. М. Дьяконова, что условные предложения, начинающиеся с *aš* в стк. 17—25, относятся к предыдущему предложению стк. 16: «Для здешней долины Русы (установлено): «Если...» и т. д. Таким образом, в слове *hu-bi-GE* содержится суффикс дательного падежа. Н. В. Арутюнян же замечает, что в Звартноцской надписи Русы II, в фразе *inukaḥṭni-e¹Rusaini-e ḥubi-gi aše pili nikiduli* и *inukaḥṭni-e, и¹Rusaini-e* и *ḥubi-gi* одинаково стоят в дательном падеже: «Этой Русаевской долине когда канал *nikiduli* . . . .»
- Дьяконов (HuU 50) предлагает в ряде случаев ввести чтение *jax jix, jux* для GA, GI, GU. О чередовании *g/j* в урартском подробнее см. Н. В. Арутюнян, Биайнили (Урарту), Ереван, 1970, с. 419. Указанный «глайд» появляется также перед суффиксами род. и дат. п., ср. *Melikišvili* US 22. Может быть, морфемы род. и дат. п., следует вообще в принципе восстанавливать как */(j)i/*, */(j)e/*, на что могли бы указывать и частые в более ранних текстах полногласные написания *-e-i*, *-i-e*. Тогда сопоставление с соответственными хурритскими суффиксами (*ve*) и (*va*) не составляло бы никакой проблемы; последние при известных условиях билабиализуются (> *ue*) и (*ua*)), а (*ve*) в известных позициях вообще реализуются как (*ye*), ср. *Bush*, GHL 90 слл. Гласный морфемы род. п. в богажэйском хурритском произносился более закрыто, чем *e*, отсюда такие написания, как *wi₁* наряду с *we_e*. То же колебание в написании морфемы род. п. между *e* и *i* дает и урартский язык; ср. *Friedrich*, Urartäisch 37 § 11, 39, § 23.
- 26 *Melikišvili*, US 74.
- 27 F. M. König, Nchl p. 191b: *Friedrich*, Urartäisch 52; под сомнением *Benedict*, UPM 123 сл.
- 28 Так, Фридрих (*Friedrich*, Einführung 49: „stark (??); он же», *Acta Jutlandica* 9 (1937) 530 („mächtig“); Меликишвили (УКН, с. 400: „могучий“; *Melikišvili*, US 76, 84 (mächtig, kräftig, gewaltig, hoch*—высокий“ [о *gorpe*]).
- 29 К значению *GIŠ₁sari/e* «оружие» см. *Benedict*, UPM 123 п. 9 с библиографией. Недавно урарт. *šuri/e* этимологически сопоставлено с хурр. *šauri* «оружие», см. V. Haas, *OrAnt* 11 (1973) 233. И. М. Дьяконов возражает, однако, против этого толкования, считая, что переход хурритского дифтонга *aü* > *á/ö* не засвидетельствован и что ожидалось бы скорее *á или *eu.
- 30 Nchl 40 A, 40 B, 101a, 101b, 112 B, 112 C, 130 A (чит. *É-ú-ri-[šihil]*), 130 B = УКН 112—117, 118a, 150, 151, 262—263, 177—190, 283, 270—274d.

- 31 J. Friedrich, ZDMG 111 (1961), 285—287, Taf. 1, III = УКН II 443.
- 32 J. Friedrich, Zum Subaräischen und Urartäischen, Fs. A. Deimel, AnOr 12, Roma 1935, 127 сл.; он же, Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik, *MVAeG* 42/2, Lpz. 1939, 61.
- 33 Только Сальвини недавно заговорил об «элементе наращивания суффиксов (*ni*)»; см. его Приложение К. *Melikišvili*, US, 97.
- 34 *Melikišvili*, US 31; также *Benedict*, UPM 126 сл.
- 35 *Diakonoff*, HuU 100, п. 106; ср. также *Гамкрелидзе*, ВДИ 1956/4, 140. Возражения *Бенедикта* (UPM 127, п. 17) со ссылкой на конструкции с *urišḥi* и *urišḥisi-ni* несправедливы; единственный противоречащий пример основан на восстановлении лакуны (*Benedict*, UPM 126), о котором см. выше прим. 30.
- 36 Роль энклитического личного местоимения 3 л. ед. ч. для обозначения исхода действия в неэргативном и цели действия в эргативном предложении была определена А. Гётце (*A. Goetze*, JCS. 2[1948] 259 сл.); он же обратил внимание на сокращенную форму *-n*. Фарбер (*Farber W.*, *Or.* 40 [1971] 29—66) установил функционально идентичные сокращенные формы для всех энклитических местоимений (*d~/tta/*, */dill~/dilla/*, */l~/lla/*) и отождествил краткую форму */n/ (/ / /pnna/)* с так называемой «копулой», не решаясь, однако, отказаться от понятия связки как синтаксической категории (с. 43).
- Урартский суффикс (*ni*), отмечающий исход действия в неэргативных предложениях, воспринимался как первоначально артикль, который, в ходе развития «полуфлективных систем», в которые слились более уже ясно не различаемые суффиксальные позиции, превратился в показатель так наз. «определенного склонения»; ср. *Diakonoff*, HuU 89. Но поскольку артикль ед. ч. вне абсолютного падежа редко удается установить перед падежным окончанием (не перенесенным), а большинство примеров относится к его суффиксально-коррелятивной функции, то следует взвесить, не нужно ли объяснить иначе столь частые формы абсолютного падежа на *-ni*. Уже Фридрих задумывался над тем, не следует ли этот суффикс *-ni* отождествить с хурритской копулой (связкой); см. *Friedrich*, Einführung, 17. При такой интерпретации суффикс отпадает вопрос о странной детерминации собственных имен, не имеющей параллели в хурритском языке. Также и тот факт, что при двухчленном исходе действия элемент (*ni*) иногда стоит только при одном из слов (так в Келяшинской билингве, ср. W. C. *Benedict*, JAOS 81 [1961] 373 к стк. 4) мог бы быть рефлексом первоначальной позиционной подвижности копулы или, что то же, энклитического личного местоимения. Бесспорный случай артикля ед. ч. установлен недавно Сальвини (*RHA* 36 [1978], 160, 168).
- Смушает видимая омонимичность артикля и копулы (связки), она же личное местоимение 3 л. ед. ч.; но это может оказаться лишь мнимым явлением, если в случае копулы рассматривать написание *-ni* как имеющее

значение (п) без гласного (к проблематике см. *Diakonoff*, HuU 38 сл., прим. 32. Таким образом можно было бы установить точное совпадение урартского и краткой формы хурритского личных местоимений 3 л. ед. ч. (п).

То обстоятельство, что и артикль, и копула, и энклитическое личное местоимение 3 л. ед. ч. могут на общезыковом уровне быть идентичными в смысле некоего местоименно-дейктического элемента, само по себе, может быть, и вероятно, но, не может, однако, позволить игнорировать их дифференциации в отдельных языках. Вовсе невозможно, вслед за Т. В. Гамкрелидзе (ВДИ 1956/4, 138) и Г. А. Меликишвили (US 34, п 55), возводить все эти элементы к указательному местоимению *ini*, поскольку его основа—*i-* (абс. ед. ч. *i-ni*, абс. мн. ч. *i-ni-li*, абл.-инстр. мн. ч. *i-pa-ni*, лок. мн. ч. *i-pa-a*).— Это местоимение может стоять и до, и после определяемого имени и тем отличается от указательного местоимения *ina=*, которое всегда стоит до него (абс. ед. ч. *ina=ni* абс. мн. ч. *ina=ni=li*, абл.-инстр. мн. ч. *ina=pa=ni* [неопубл.]).

37 *Diakonoff*, HuU 100. п. 106.

38 Это касается и цитируемого Дьяконовым примера *tugris=he everni* («Тугришский царь», KUB XXVII 38 Об. IV 14.

39 *Diakonoff*, HuU 100.

40 *Bush*, GHL 149—153, 157—159.

41 При основах на -а и -и морфема род. п. нередко элидируется, в том числе и в этой позиции; ср. DINGIR^{MEŠ} atqana-**i*-pa-*ce* HchI 10 II 19/ X 64 = UKH 27 : 19/ 64, но D^{ua}-*i*-pa-*ce* šešti-pa-*ce* HchI 10 II 20 // X 66 = UKH 27 : 20/ 66; URU^{qu}melu-**i*-pa-*ce* HchI 10 II 14//X55 = UKH 27 : 14/ 55, [U]RU^{ba}bilu-*i*-ne-*e* KUR^{eb}ani-edī (чтение [U]RU^{ba}-bi-lu-i-ni-e Хорхорской летописи предложено Н. В. Арутюняном—ЭВ, VII, с. 98—99, III 11; с ним согласны также Г. А. Меликишвили—UKH 127 III 11 и Ф. В. Кёниг—HchI 80 § V). В последнем случае послелоговое происхождение суффикса направительного падежа оказывает влияние в том смысле, что определение не получает такого же направительного суффикса, а стоит в дат. п., который требовался первоначальным послелогом; ср. *edīa*, управляющее предшествующим архаическим дательным падежом на (*ce*).

42 Мы передаем, для ясности, коррелятивный артикль как (*ne*) (как в хурритском), хотя ситуация в урартском неясна. Точно так же мы условно везде передаем морфему род. п. как (*i*), морфему дат. п. как (*e*).

43 А. Götze, ZA 39 (1930) 115. Ср. D^haldinani GIŠ^{KÁ}. Н. В. Арутюнян, НУ-НКБ, с. 38, стк. 6; с. 39, стк. 14.

44 С. F. Lehmann-Haupt Klio 24 (1931), 156 сл.

45 J. Friedrich, ZA 40 (1931), 274.

46 *Melikišvili*, US 38, также 40, 41; *Benedict*, UPM 176. Как ни странно, Фридрих не упоминает ясно об им же самим установленной морфеме мн. ч. /a/ ни в Einführung..., ни в Urartäisch.

47 М. Salvini, ZA 61 (1971) 253 п. 24.

48 *Melikišvili*, US 35.

49 *Diakonoff*; HuU 96.

50 W. Farber, Or. 40 (1971) 32—41.

51 Большое жертвенное расписание в надписи Мехер капысы (HchI 10 =

UKH 27) содержит еще пять подобных образований: URU^{ar}-di-ni-pa-*ú*-*e* DINGIR стк. 14/ 55; URU^{qu}-me-pu-pa-*ú*-*e* DINGIR стк. 14//55; URU^{tu}-uš-pa-(ni)-pa-*ú*-*e* DINGIR стк. 14/ 56; KUR^{al}-ga-ni-pa-*ú*-*e* DINGIR стк. 18/ 63; D^š-u-i-ni-pa-*ú*-*e* DINGIR стк. 19/ 64. Во всех этих случаях при DINGIR не стоит детерминатив мн. ч.; в урартском такой детерминатив необязателен, ср. KÁ~KÁ^{MEŠ} «ворота». Однако в данном тексте странно, что там, где после DINGIR стоит знак мн. ч. род. п. следует, а там, где знака мн. ч. нет, там род. п. предшествует слову DINGIR (напр. DINGIR^{MEŠ} atqana = **i*=pa=*ce* стк. 19/64). В пользу понимания DINGIR как ед. ч. говорит вполне надежно восстанавливаемое место HchI 102 III = UKH 156 : 13, где силлабический компонент указывает на дат. п. ед. ч.: I UDU ANA (??-или {I; D^š[*su-i-ni*??]-i-pa-*ú*-*e* DINGIR-i-e. Если этот пример—уникальный в отношении компонента—принимать всерьез, то это бы значило, что при генетиве мн. ч. переноса суффиксов не происходило. Как предлагает считать И. М. Дьяконов (письменное сообщение), в урартском тономим с артиклем-во мн. ч. означает его жителей; таким образом /Ardini = pa = ce DINGIR/ следовало бы переводить «бог арлинийцев».

52 Наряду с директивом (направительным падежом) мн. ч. /paedi/~ /nadi/ встречаются образования с /ašte/, где сохраняется хурритский показатель мн. ч. (для всех падежей, кроме абсолютного) (*az*), ср. *Diakonoff*, HuU 102, п. 108.

53 При этом артикль стоит в позиции + 1, а притяжательный суффикс—в позиции + 2; так, следуя Бушу (*Bush*, AOAT 22 [1973] 50) против А. Камменхубер, MSS 23 (1968) 50, 58; последняя точка зрения повторена в RLA 4. Lief. 6/7. 513. г. S^o.

54 Гётце А. (*Goetze*, RHA 3/22 [1936] 194): «ни здесь (?), ни где-либо еще (??), где он будет пребывать»; Кёниг (*F. W. König*, HchI с. 60 и др.): «чые атди и ипаиг а языкъ да будут убиты и небытию (=уничтожению) преданы»; Дьяконов (*Diakonoff* I. M., HuU 133): «ни божество его, ни человек никуда да не унесут»; он же, OLZ 68 (1973) 12, п. 1: «никакое божественное существо (п-ае) его... не унесет». Г. А. Меликишвили (UKH, с. 153 и др.) оставляет этот пассаж без перевода, но комментирует его в прим. 10 на той же стр. (mei частица отрицания, пага «народ» (?), aue, auei «где-либо, куда-либо», ulule от корня ulu- «уносить»).

55 Так справедливо у Сальвини (*M. Salvini*, AMI 10 [1977] 136).

56. Ср. enzarri <en (i) šarri и т. п. Haas V. // *J. Thiel*, *BiOr* 30 (1973) 259; šen-talirti „семигрудая“, и подобные образования, *I. Wegner*, *Gestalt und Kult der Ištar-Šavuška in Kleinasien*, *Hurritologische Studien III*, AOAT 36: Kevelaer/Neukirchen-Vluyn, 1981, 81 сл.

57 Четырехязычный вокабуляр из Угарита колеблется в передаче слова tarzuu (n)ni с двумя и с одним (n), однако окончание -ni никогда не отсутствует (tar-šu-wa-na-n[i] Ugaritica V 130 II 5'; tar-šu-wa-an-ni ibid 8'; [tar]-š[u-w] a-an-ni, там же, 131, 7'; [tar-š]u-wa-ni там же, 137, II 31'); Рассматривать это окончание как артикль трудно, имея в виду, что все имена в хурритском столбце вокабуляра цитируются без артикля. Примеры из Богазкёя (где это слово представлено особенно часто) дают по большей части удвоение n, например: DINGIR^{MEŠ} -na-a-ša tar-šu-wa-an-na-a-ša a-a-bi-ta „перед богами и людьми“, KUB XXIX 8 IV 29 сл. DINGIR^{MEŠ} -na-šu uš eb-ri-in-na-šu-uš tar-šu-wa-an-na-šu-uš „боги, цари, люди (эргатив)“, KUB XXIX 8 III 37, tar-šu-wa-an-ni-bi „человека“ (род. п.), KUB XXIX 8 II 37, 45. Во всех этих формах наблюдается характерная для основ на r(V)-, l(V)-, n(V)-выпадение конечного гласного основы перед артиклем.

В «Митаннийском письме», где, в противоположность другим хурритским группам текстов, фонематическая оппозиция простых и удвоенных согласных в интервокальной позиции последовательно дифференцируется на письме, это слово встречается лишь дважды, причем во втором случае оно ранее не было замечено: i-ni-ú-me-e-ni-l-in D^{Ši}-mi-ge tar-šu-an-niš . . . ta-ti-a . . . Также как Солнце человек . . . любит . . . * Mit. IV 121 сл. (ср. аккад. ki-i-me a-mi-lu-ú-tu, D^{UTU} i-га-'a-am-šū „как человечество Солнце любит“, EA 20: 76 сл. M^{ta}-ni-en-na-ma-an ra-aš-ši-i-it-ḫi-ip ni-i-ri tiš-ša-an-na-ma-an ú-gu-uk-k [u-u-u]n [tar]-šu-a-a-ni KUR u-mi-i-in-na-še šu-[ú]-a-ni-a-ša-a-am-ma-ma-an „А Мане, посол твой, хорош очень (есть), не существует человек в странах всех подобный“ Mit. II 95 сл. Это толкование поддерживается весьма сходным оборотом в аккадском письме того же Тусратты: aš-šum ka-li-šū-ni a-mi-lu-ú-ta ša ka-an-na er-ša in-ma-ti-ma ú-ul a-mur. „Что до них всех (т. е. до посла Мане, переводчика Хане), человека, что так создан, никогда я не видел“ (EA 21: 29—31).

Во втором митаннийском примере («человек» в смысле «любое человеческое существо») мы ожидаем по контексту недетерминируемую форму, в первом — детерминированное (нем. ein Mensch—der Mensch) ср. tarzuu-ḫani, но *tarzuḫani-ne-z̄ > tarzuḫannez̄.

О еще не истолкованном материале к урартск. LÜ, LÜUN, LÜ.LÜ см. *Schäfer H.—P.*, *SMEA* 18 [1977] 259, 261 сл.

58 Как полагает А. Камменхубер, *Die Arier in Vorderen Orient*, Heidelberg 1968, 127, 224; ср. Дьяконов, *HuU*, 66.

59 Напр.: tumni ižihhe=na šin šiniberohhe=na „четыре . . . (мн. ч.) два слоновой кости (мн. ч.)“ Mit. II 59; но ni-bi-in šar-ri* 10.000 парей (ед. ч.)*, KUB XXVII 38 № 29—к сожалению, в разрушенном контексте.

60 См. выше

61 *Speiser E. A.*, IH 111 сл. *Bush F. W.*, *GHL* 142 сл. Примеры из „Митаннийского письма“: I 71, II 93, 116, III 64, 100 сл.; ср. также *Mari* 7: 9. В богазкейском хурритском /ra/, по-видимому, имеет функции, выходящие за пределы комитатива. ср. Haas V./Wilhelm G., *Or.* 41 (1972) 5, п. 6.

62 *Melikišvili G. A.*, *US* 39.

63 KBo XIX 145 // KUB XXXIV 101 = *CTH Suppl.* (RHA 30 [1972], 94—133). *788, 1; обработка: *Haas V.* // *Thiel H.—J.*, *Die Beschwörungsrituale der Allaituraḫ(h)i und verwandte Texte* (AOAT 31), Kevelaer/Neukirchen Vluyn 1978, 295—311.

64 Использовано для хурритского словаря: *Otten H.*, *AFO* 22(1968/9), 111 сл. п. 1: *Laroche E.*, *RHA* 28 (1970) 57—63; *Haas V.*, *SMEA* 14 (1971) 139—142; *Haas V.* // *Thiel H.—J.*, *op. cit.* 307—311; *Laroche E.*, *Glossaire* 53, 138, 297 и др.

65 Значение súllud-устанавливается благодаря отождествлению ra-[á-r]u=sú-lu-du-me (R. S. 20. 123+об. III, 2, Ugaritica V. 422. 244): „освобождать, отпускать, развязывать“ (*Laroche E.*, *RHA* 28 (1970) 62; *Glossaire*, 3.8). Формы на -iš следуют бесспорно переводить как транзитивные императивы на основании хеттского соответствия arḫa tarnatten; передача как arḫa, тарнер „они отпустили“ (ср. VBoT 120 +1 16=Haas/Thiel, *Allait.*, стр. 134 стр. 24 // 873/u: 2' = Haas/Thiel, *Allait.* 271), несомненно, ошибка переводчика. По сравнению с императивом ед. ч. (см. выше, с.) эти формы имеют дополнительное (z̄) что, конечно, сопоставимо с показателем мн. ч. (až) при притяжательных местоимениях и перед падежными суффиксами, а также с показателем мн. ч. (za) при эргативном маркировании глагола. Кажется идентичными с ними некоторые формы из «Митаннийского письма», которые, насколько они вообще были понятны,—до сих пор понимались как относящиеся к изъявительному наклонению, но по контексту скорее являются когортативами (увещательными-пожелательными формами): or-obḫ-i-s-tilla-ān Mit. IV 119; karg'-āst-š-till (!)-ān Mit. IV 120. (к основе karg'- см. еще kār-ḫu-ša Mit. I 112); iād-ugār-i-z̄(-) Mit. I 19, II 93, IV 113 (!), 121 (*Bush*, *GHL* 274: „является вполне дружественным“).

Последний абзац «Митаннийского письма» (IV 111 сл.) содержит, после вводной фразы («И с братом моим желаю я мне в сердце моем быть очень, очень в добром отношении и взаимной любви»), помимо форм на -iš еще целый ряд оптативных форм на -el. Это говорит в пользу того, что и формы на -iš содержат пожелания. Когортативное значение вытекает и из суффиксации личного местоимения 1 л. мн. ч. в абсолютном падеже: /iād-ugār-i-š-tilla/ „любить взаимно (по) желаем мы“.

Что формы на *-iṣ* не являются индикативными, видно из некоторых форм в том же контексте, содержащих тематический гласный /o/. Этот тематический гласный в «Митаннийском письме» ограничен только неиндикативными формами интранзитивных предикатов. Индикативная (не отрицательная) форма должна была бы иметь тематический гласный (а). Речь идет о следующих формах: /*ṣag'g-r-o-ṣ-till-ān*/ Mit. IV 113 и /*ṣeg'g-r-o-ṣ-till-ān*/ Mit. IV 119. Толкование подобных форм как пожелательных подкрепляется хуррито-хеттским соответствием *ṣag-ni-uṣ-du-uṣ* (/*paṣn-oṣt-o-ṣ*/) // *paṣkuṣ* [eṣdu] „да будет чист“ (КВо XXIII 23 об. 46' // VBoT 120 + 16 сл.; ср. *Haas/Thiel, Allait. 132* сл. восстановление [eṣdu] надежно, так как [paṣkuṣ] [e'-eṣ-du в следующей строке тоже // *ṣag-ni-uṣ-du-uṣ*, КВо 23 XXIII 23 об. 47'.

Граммема /z/ в подобных формах была сопоставлена с показателями мн. ч. /*az*/, /*za*/ уже Спейзором (*Speiser E. A.*, ИИ, 194 сл.). Спейзер, (там же) и за ним Буш (*GHL, 273* сл.), предполагал переход к интенсивному значению из-за встречающихся форм, явно относящихся к ед. ч., например, *ḫaz-o'-e-ṣ*.

66 *taruṣant*—прилагательное на *-ṣant*. См. *Friedrich, HE² § 49d*: „имеющий, снабженный (чем)“; Кронассер *Kronasser, EHS § 150.3* считает образованным от существительного *taru* „дерево“. Для хурритского суффикса /*bade*/ Ф. Хааз и Г. Ю. Тиль (*Allait. 251* сл.) предложили значение существительного или наречия, выражающего состояние, в связи с обсуждением формы *ra-aḥ-gi-ra-a-ti* (КВо XXIII 23 об. 72'; что, возможно, соответствует *LÜ^{MEŠ} SIG₅ UT-TIM* КВо XII 85 + II 3, см. там же). Привлекая форму *ni-i-gi-ra-a-ta-e* Mit. IV 5,6 (от именной основы *niṣi* „хороший“), которую Хааз и Тиль не учитывали, я предложил бы производить и для *ra-aḥ-gi-ra-a-ti* не от глагольного корня с интранзитивным тематическим гласным, а от прилагательного, с переходом *i > o* перед /*bade*/ точно так же, как перед суффиксами /*ḫḫe*/, /*g'e*/ и /*ṣsi*/ (см. об этом *Bush GHL, с. 86*). Но это вынуждает отказаться от сопоставления /*bade*/ с семантически неясными формами на *-rti*, как это предлагают Хааз и Тиль (там же, с. 252).

67 *Laroche, Glossaire 102* сл.

68 *Haas/Thiel, Allait. 302* сл.

69 Предложенное Хаазом и Тилем чтение *na-aṣ* слишком оптимистично в смысле передачи знаков стк. КВо XIX 145 IV 39', помеченных в копии как поврежденные. Поскольку *-ti-il*, несомненно, есть краткая форма личного местоимения 1 л. мн. ч., следовало бы ожидать, чтобы перед ним стоял показатель интранзитивности (а), если только здесь речь идет о глагольной форме (которая не выделена пробелом!).

70 См. выше, ппч. 13; *Laroche, Glossaire 59* сл.

71 Например, КВо XIX 144 (4-я таблица ритуала против колдовства женщины А-а[п-..], 1 19.

72 См. *V. Haas/H. J. Thiel, Allait. 165*.

73 КВо XIX 145 IV 39'. . *ḫè-er-wja*_a 40' *zu-ul-a-ti-il* ['zu'-ú-lu-ti-]

«Прикрепленного к кол[ку мы отпустили (отвязали)], мы освобод[дили]».

Хеттская парафраза там же, III 9' сл.: *iṣ-ḫ[i-i]a-an-ta-an-wa-ra-an ar-ḫa la-a-u-en LÜ GIŠ-gu-wa-an-da-an-ša-kál ar-ḫa tar-ni-me-en* „Связанного мы развязали, прикрепленного к колку мы отпустили“.

74 Это обозначение вводится здесь условно для объяснения слова *everni*, «царь», производного от *evre* «господин»; несомненно к этому же типу относятся *ḫavurni* „земля“, *ṣeg'urni* „жизнь“, *ṣidarni* „проклятие“, *attani* „отец“ и др. 0 /*ni*/ и сходно звучащих суффиксах см. *W. F. Bush, The Relationship Between the Hurrian Suffixes -ne/-na and -ni/e/-nna*, в *Orient and Occident, Essays presented to Cyrus H. Gordon (AOAT 22)*, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 39–52.

75 Помимо обычных поморфемных транскрипций, здесь и ниже, в той мере, в какой дело касается транскрибирования отрывков из «Митаннийского письма», мы будем применять знак долготы для передачи полногласных и знак циркумфлекса для двоякие полногласных описаний.

76 Ларош (*Glössaire 272*) помещает примеры на глагольный корень *tupp*—частью под *tuppe* „tablette“, частью под *tuppi* „fort“.

77 *tub-be* (*tupp-e*). Mit. II 18 («...я собрал всю страну мою, и мои знатные, сколько их имеется [букв. «сколько имеются», присутствовали]; II 88 («... другие страны, все послы присутствуют (присутствовали)», II 89 («... все другие страны, моя челядь (?), присутствуют (присутствовали)»; III 36 (дважды), 38, 39 («и теперь там есть... отца моего дочь, сестра моя. И деда моего дочь, отца моего сестра, есть... там. И табличка приданого ее также налицо (присутствует)»; IV 69 (контекст разрушен или непонятен); *tup-ra-aṣ-ṣe-na* (*tupp-a-ṣse-na*), II 18: см. выше под *tub-be*; IV 125: см. выше с. . . ; *tup-ru-uk-ku* (*tupp-o-kko*) III 45: («когда . . . таблички приданого моего свойства [возникшего через сестру и тетку]. отсутствуют»; *tup-ru-le-e-wa* (*tupp-o-l-ēva*) III 100 («и золотое изображение должно для меня как мое . . . (!) быть налицо/присутствовать»); *tup-ru-la-in* (*tupp-o-l-ain*): III 26 («и все другие страны и мои знатные (и) все послы пусть бы присутствовали!»); *tup-ru-ra-a-ta-a-al-la-ma-an* (*tupp-o-bāfā-lā-man*): III 48 («и мой брат знает откровенно этого, что они были налицо/присутствовали»); *tup-ru-un-ni* (*tupp-ō-nni*): II 87 неясно.

78 *ḫu-ṣu-um-ma* ерēṣu; см. *AHw 362a*.

79 Комплемент корня /*utt*/~/*ott*/ до сих пор не был замечен; однако ср. *ṣu-ukku-u-ut-ti* (*ṣukk-ōtt-i*) Mit. II 68, *ṣug-gu-ú-ud-du-u-ḫa* (*ṣukk-ōtt-ō-g'-a*) Mit. III 108; так же II 70 с иным написанием: *-u-u(-ō)* Переход *o > u* вероятно связан со сдвигом ударения.

80 Ср. *E. Laroche, PRU 3, 317, 320; Diakonoff, HuU 114*: но иначе *Fush, GHL 186*. Особенно ясна функция комплемента корня при глаголе *ḫic-ug'*—

- „обижать, притеснять“; но *hiš-ug'-ol-Mit. VI 10* „огорчаться“; вероятно также *ag-ol* „быть ведомым“ *Mit. II 14к*, *ag-* „вести“.
- 81 Ср. образование от некомплементированной основы *hu-ši-a-a-aš-še* (*huš = lu-ya-šše*) *Mit. III 122*.
- 82 Урарт. *ušt-a-* „отправиться“, *ušt-u-* „отправить, послать“; *ši-a-* „идти“, *ši-u-* „приносить“ ср. *Melikišvili, US 52; Diakonoff, HuU 118* сл. и п. 133. *Harouthiounian, GKAV, S. 92; он же, ДВ 4, с. 209*.
- 83 *Bush, GHJ 188* сл., 352 сл.
- 84 *Bush, GHJ 352*.
- 85 Подробное исследование определительных конструкций еще не произведено, как и вообще явно не хватает работ по хурритскому синтаксису. Под «тесной определительной синтагмой» мы понимаем конструкцию с родительным падежом, но без переноса суффиксов, ср. *Niṣū-ṣaiškā-va Mit. III 98* с обычной позицией родительного падежа. Мы готовим более подробное исследование вопроса.
- 86 Хурритские пассажи этого ритуала впервые рассматривал М. Сальвини, *OrAnt 14 (1975) 227—241*. Серия была реконструирована М. Сальвини и И. Вегнер для «Корпуса памятников хурритского языка»; ср. *SMEA 22 (1980) 87—95*. В моем распоряжении имеется предварительная рукопись этой работы, особенно ценной благодаря произведенным joins (стыкам), которую я мог здесь использовать с любезного разрешения авторов.
- 87 *a-aš-še-eš, -ši-iš-* пока не объясненная форма призыва. Ларош (*Ugaritica 5, 513* и п. 1) связывает ее с *a-aš-ša KUB XXVII 38 1 8* и выводит отсюда непереходный глагол *ašš-* „сидеть(?)“ (*Glossaire 59* сл.). Конечное *-š*, вероятно, идентично с обсуждавшейся выше (прим. 65) граммемой /z/, которая встречается с формами пожелания (императив мн. ч., когортатив, юссив на *-olez*; аналогично у Лароша, *Glossaire 59*; опатив ед. ч. 3 л.),
- 88 *KUB XXIX 4 III 43* сл. (*H. Kronasser, Die Umsiedlung der Schwarzen Gottheit [Österr. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Kl., Sitz. ber. 241/3], Wien 1963, 26*), где ритуально вызывается богиня типа Иштар из Аккада, Вавилона, Суз, Элама и Хурсагаламы; ср. *I. Wegner, Gestalt und Kult der Ištar-Šawuška in Kleinasien (AOAT 36), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1981, 164* сл. Призыв типа „топоним“-*az eḫi* („из . . . приди!“) встречается в *KBo II 9 I 1—13*. Ко всему комплексу вопросов см. *V. Haas, G. Wilhelm, Hurritische und luwische Riten aus Kizzuwatna (AOAT-S 3), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1974*.
- 89 *LUGAL URU Kum-mi-ia KUB XXXIII 113+I 11'*; ср. *H. G. Güterbock, The Song of Ullikummi, JCS 6(1952) 12 (Sonderdruck, с. 30)* и др. *URU Kum-mi-ia-aš UR. SAG-uš LUGAL-uš KUB XXXIII 103 II 6*; ср. *J. Siegetová, Appu Märchen und Hadammu-Mythus (StBoT 14), Wiesbaden 1971, 46*. Для

- старовавилонского времени ср. еще *d1ŠKUR 'ša Ku-um-mi' ARM VII 219:7*.
- 90 *D2ŠKUR Ar-ra-ap-ḫi-im^{k[i]} ARM I 75:17 GIŠ KIRI, ša d1ŠKUR i-na Ar-ra-ap-ḫi-i[m^{ki}] ARM I 136:5*. Шамши-Адал I после завоевания Аррапхи приносит во время праздника *ḫumtu* жертву богам Шамашу и Ададу ср. *A. K. Grayson, Assyrian Royal Inscriptions I, Wiesbaden 1972, 26*.
О теофорных царских именах из Аррапхи с элементом *-teššup* см. *G. Wilhelm, Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter, Darmstadt 1982 70* сл.
- 91 Ларош (*Glossaire 56*) толкует *Arḫarḫe* как „этникон со стяжением из *Arḫarḫi-ḫi*, но параллельная *Kumme-ne* он толкует как название города которое одновременно якобы служило обозначением божества.
- 92 *F. Thureau-Dangin, RA 36 (1939) 2*.
- 93 Для *Kumme* с артиклем ср. *Ku-ū-um-me-ne-ne KBo XI 19 об. 10; al-la-n-ku-um-me-né-we об. 19 148 (h. 10) = Ugaritica 5, 467, об. 4; DU-urū URU Kum-mi-né-we KUB VIII 61 об. 13*; имя собств. *Kummen-ata1* (неодубл.) ср. *Thureau-Dangin, RA 36 (1939) 7* сл. *Birot ARM XVI/1, 140*.
- 94 Значение „очистит“ предложено И. М. Дьяконовым на основании урарт., */tā-aiē/, UKH, 155E: 54; 128 B1: 20,24*.
- 94а Об установлении энклитического местоимения 2 л. ед. ч. абсолютного падежа Тилем и Вегнер см. ниже прим. 104.
- 95 *E. Laroche, RHA 28 (1970) 59; V. Haas/H. J. Thiel, Die Beschwörungsrituale der Allatūrah (h) i und verwandte Texte (AOAT 31), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1978, 302* сл.
- 96 Независимо от того, является ли *-ni* словообразовательным суффиксом, как бесспорно в *everni* (см. выше прим. 74), или входит в основу, как утверждал Ларош (*Glossaire 190*) в случае *fabni* «гора».
- 97 Ср. *W. Farber, Or 40 (1971) 41* сл.
- 98 К выражению *libbi ša aḫi-ja iḫ lā ušamraš* („сердце брата моего пусть я не огорчу“) и т. п. ср. *H.-P. Adler, Das Akkadische des Königs Tušratta von Mitanni (AOAT 201), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1976, 300*. В качестве соответствия приведенному предложению ср. особенно *EA 29:14: aḫi-šu libba-šu ina minimma amāti ni ultemriš* „что касается него, то сердце его ни в каком деле я не обидел“.
- 99 *Spetser, IH 91*.
- 100 Слово *ṣukkanne* не может пока считаться объясненным, как правильно указывает Ларош (*Glossaire 241*).
- 101 *StH 701* (включая дополнения, *RHA 30 [1972] 120*). Неопубликованная обработка этого ритуала содержится в упомянутой в прим. 86 работе Сальвини и Вегнер для «Корпуса памятников хурритского языка», за разрешение использовать которую я благодарен авторам.

- Тексты, названные в СТН 701 под раскопочными номерами, с тех пор опубликованы в КВо XXIII 12, XXIV 66. Еще один относящийся сюда фрагмент (393/d) привлекли Сальвини и Вегнер. Хурритские пассажи ритуала затрагивались Ларошем (RA 54 [1960] 191 сл., Ugaritica 5, 512 сл.
- 102 КВо XIX 135 I 17'; KUB XXV 47 I 11'; КВо XXI 28 лиц. (?) I 11'; 29:9' ср. *M. Salvini*, OrAnt 14 (1975) 232.
103. Относительно обсуждения этой возможности см. *M. Salvini*, ук. соч., 237 сл. с библиографией.
- 104 См. *H. J. Thiel und I. Wegner*. Eine Anrufung an den Gott Teššur von Halab in hurritischer Sprache, SMEA (в печати).
- 105 Попытку А. Гётце установить это местоимение на основе примеров из «Митаннийского письма» (JCS 2 [1948] 255—269) нужно, однако, по-прежнему считать неудавшейся. Энклитические местоимения не являются нейтральными в отношении падежа, как имплицитно предполагал Гётце, а всегда выражают только абсолютный падеж. То же возражение относится к попытке Э. Лароша (Ugaritica 5, 453; Glossaire 146) переводить /ma/ дательным падежом.
- Такие пассажи, как Mit. II 102, III 40, 44, показывают, что частица для комбинация частиц -Vn-ma-ma-an не содержит местоимения 2 л. ед. ч., так как абсолютный падеж в этих предложениях уже представлен в другом месте. В крайнем случае можно было бы привлечь примеры a-ti-i-ni-i-in ma-a-an-ni-i-in-ma(-an) Mit. III 5, 9, 10, 100 как случаи употребления местоимения /ma/ из-за аналогии с adī-nīn mān - a - tta - ma Mit. III 63, 65, и mān - a - la - ma Mit. III 102, однако это остается невыясненным, так как и в первой форме ожидался бы переход />a/.
- 106 Mit I 51; ср. *Speiser*, IH 126; *Bush*, GHL 224, 336 п. 115; *Diakonoff*, HuU 132.
- 107 Mit. II 56; отмечено Ларошем (Glossaire 194). Этот пример, из-за полногласного написания, исключает предположение, что императив содержит юссивную граммему /e/, как это предполагает Буш (GHL 216 сл.) для форм «волюнтиватива» (напр. kulle «я хочу сказать»), опатива (напр. ḥāṣen «да услышит он») и для некоторых других неиндикативных форм.
108. Это понятие введено в цитированной выше (прим. 104) работе, чтобы описать такую форму, как ḥ-ni-u-ur (KUB XLVII 78 I 14') в качестве сказуемого эргативного предложения (peḡa - v - u - ma kimaḡe - le - z up - o - b «мать твоя Кумарбе родила тебя») в противоположность futt = o_z = a «он зачал (тебя)» в параллельной конструкции там же, стк. 12'. Он является, насколько пока известно, категорией только богазкэйского хурритского. Что касается старохурритского, то остается в силе мнение Дьяконова (HuU 118), что в нем, как и в урартском, /u/ является тематическим гласным переходных, /o/ — непереходных глаголов. Приведенное выше значение для peḡa «мать» установлено

- И. Вегнер (ср. прим. 104) на основе цитированного текста и может быть подтверждено другими свидетельствами.
109. Ларош, под вопросом, переводит «душа» (Glossaire 243). Однако шумерское соответствие NI TE = аккад. gamṣu «сам».
- 110 /ai/ или /ae/ в «Митаннийском письме» засвидетельствовано в адвербиализирующей функции, в вокабулярах из Угарита — в адъективизирующей функции; ср. *Bush*, GHL 166—170. Однако для объяснения именных форм на (ae) в богазкэйском хурритском этих данных недостаточно, что уже известно давно (ср. *A. Goetze*, RHA 5, fasc. 39 (1940) 196 202). Ларош (*E. Laroche*, Ugaritica 5, 460, 513) предположил инструментальное значение (см. также Glossaire 249 s. v. tadugari). Против этого Буш (GHL 169 сл.) возражал, что только при этой граммеме в отличие от всех падежных суффиксов, перенос суффикса происходит без коррелятивного артикля. И. М. Дьяконов указывает на герундивно-целевую функцию суффикса -ae/-ai («чтобы») в глаголе и адвербиальную («для») в имени. Наш перевод следует этому указанию.
111. Также и в связи с этим текстом я должен с благодарностью сослаться на незаданную работу Сальвини и Вегнер, см. прим. 86.
112. Трактовка А. Камменхубер в данном пункте ошибочная (в кн.: Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde, Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein, Innsbruck [1968] 249, также MSS 23 [1968] 58), в настоящее время исправлена Бушем (в кн.: Orient and Occident, Essays presented to Cyrus H. Gordon (AOAT 22), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 4), 49 сл.
113. А именно, суффикс род. под. /ve/, суффикс принадлежности /ge/ и «суффикс номинализации» /sse/; ср. *Bush*, GHL 149—153.
114. При определениях, оформленных показателями /ve/-, /ge/- и /sse/-, переносятся не только падежные окончания определяемого (так по общему мнению, *Bush*, GHL 149), но также адвербиальные комплексы, как /nnoḥḥa/ (nni) = /hḥe/ + /v/ ṣe-e-ni-iw-wu-ú-e-né-e-en-nu-uh-ḥa ti-ša-a-an-nu-uh-ḥa /ṣen - ifu - ce - né - nn) - hḥ - a tiṣā - pno - hḥ - a) Mit. II 10.
115. Также и к этому тексту относится сказанное в прим. 111.
116. Ср. *V. Haas/G. Wilhelm*, Hu ritische und luwische Riten aus K zzuwatna (AOAT—S 3) Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1974, 88.
117. За разрешение использовать его неопубликованную работу для «Корпуса хурритоязычных памятников» и благодарен Ф. Хаазу.
118. Об этом понятии и первичном семантическом определении хурритской жертвенной терминологии см. *V. Haas/G. Wilhelm*, указ. соч., 54—139.
119. *V. Haas/G. Wilhelm*, Or 43 (1974) 88; *M. Salvini*, OrAnt 14 (1975) 240.
120. Слово *niḥi* означает «камейка» (ср. *V. Haas/G. Wilhelm*, ук. соч. 114 с библиографией; у Лароша в Glossaire 271 значение не указано, но ср. под tabri, с 247). Но так как здесь оно объединено с kakkari (см. *H. Hoffner*, Alimenta Hethaeorum (AOS 55) 167 сл.), то несомненно, что здесь

имеется в виду род хлеба под этим названием (об. этом см. *H. Hoffner*, ук. соч. 187; *V. Haas/G. Wilhelm*, *Or.* 43 [1974] 88.

121 *V. Haas/G. Wilhelm*, ук. соч., 133.

122 Анализированная здесь форма *ge-ni* должна быть эмендирована в *ge-lum*, как заметил уже М. Сальвини (*OrAnt* 14 [1975] 231 п. 20).

123 См. выше, прим. 15.

124 *ulguši-ya-nə edinə*; уратский послелог *edinə* требует аблативно-инструментального падежа; см. *Melikišvili*, *US* 40; *Diakonoff*, *HuU* 92, п. 100F.

125 Об. 15.10 (PRU 3, Pl. CVI) 4/ /9: *mar-ḥé-ta-šu/ /aš-tá*; без точного соответствия *ar-na* (10) // *ar-na-an* (14) и *ar-nu-šu* (12) // *ar-ni* (17): Ср *Bush*, *GHL* 118.

126 *Melikišvili*, *US* 39.

127 *Diakonoff*, *HuU* 94 п. 1.

И. М. ДЬЯКОНОВ

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В УРАРТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
И НОВЫХ УРАРТСКИХ ТЕКСТАХ

Двенадцать лет назад вышло расширенное издание моей сравнительной грамматики урартского и хурритского языков¹, в которой я попытался предложить некоторые новые подходы к урартской морфологии и лексике, поскольку почти все, что осталось необъясненным в урартских текстах после опубликования «Урартских клинообразных надписей» Г. А. Меликишвили (1-е издание 1953²; 2-е издание 1960³; II часть 1971⁴) и ряда грамматических работ⁵, лежавших в русле первоначальных грамматических открытий И. Фридриха⁶ и А. Гётце⁷, оставалось непонятным и в 1970-х гг. Сейчас, как нам кажется, настало время посмотреть, в какой мере предложенные мною подходы оправдали себя, и в каких направлениях развивалась урартология (в ее лингвистическом аспекте) за последнее десятилетие.

В целом можно сказать, что в своем отношении к моей работе хурритологи и урартологи, как и можно было ожидать, разделились на две группы: большинство, принадлежащее в основном к старшему поколению, не приняло предложенных новшеств и в своих работах продолжает исходить из традиционных грамматических представлений⁸. Однако некоторая часть хурритологов и урартологов младшего поколения приняли предложенные мною концепции; они покамест в меньшинстве, но я надеюсь, что число их будет увеличиваться. К их числу можно отнести М. ван Лоона (1974)⁹, М. Л. Хачикян (1976)¹⁰ и Г. Вильгельма (1976); последний не только принял мои предложения, но и внес в них существенные исправления и дополнения (см. его статью в настоящем сборнике).